

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ АКАДЕМИИ

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ
СОВЕТА МДАИС ОТ 9 ИЮНЯ 2003 ГОДА

Слушали:

Доклад секретаря Совета иерея Павла Великанова о защите кандидатских диссертаций и дипломных работ выпускниками Академии, а также дипломных работ выпускниками Семинарии.

Защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия следующие лица по дневному отделению:

1. Бобров Павел (по кафедре Литургики на тему: «Литургическая тематика Богослужбного отдела Поместного собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг.»);

2. Данилевич Николай (по кафедре Византологии на тему: «История Православия в Южной Италии (VIII—XI вв.)»);

3. Дроба Сергей, иерей (по кафедре Патрологии на тему: «Проблема воспитания детей и молодежи в русской церковной литературе новейшего периода (1917—1990 гг.)»);

4. Дьяконов Алексей (по кафедре Христианства и литературы на тему: «Осмысление проблемы старообрядческого раскола в научных и литературных трудах Павла Ивановича Мельникова-Печерского»);

5. Зверев Алексей, диакон (по кафедре Нравственного богословия на тему: «Аскетические воззрения преподобного Марка Подвижника»);

6. Коротких Дионисий (по кафедре Истории церковного пения на тему: «Древнерусские певческие школы XV—XVII вв.»);

7. Корытко Олег, иерей (по кафедре Сектоведения на тему:

«Историко-богословский анализ сотериологии протестантских сект (баптистов, пятидесятников, адвентистов, неговистов)»);

8. Краля Александр, диакон (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в должности ректора Духовных академий»);

9. Маркевич Сергей (по кафедре Истории церковного пения на тему: «Значение Киевского распева в формировании современной богослужебно-певческой традиции Русской Православной Церкви»);

10. Иосиф (Павлинчук), иеромонах (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 год»);

11. Секрий Сергей, диакон (по кафедре Истории Поместных Православных Церквей на тему: «Румынская Православная Церковь в XX веке»).

Удостоены степени кандидата богословия выпускники 2001/2002 учебного года:

1. Стенечкин Роман (по кафедре Пастырского богословия на тему: «Пастырская деятельность священномученика Фаддея (Успенского)»);

2. Усачев Роман, иерей (по кафедре Нравственного богословия на тему: «Нравственная ответственность как категория христианской православной этики»).

Удостоены степени кандидата богословия по экстернату:

1. Кокин Илья, диакон (по кафедре Сектоведения на тему: «Богородичный центр: история, вероучение, религиозная жизнь»);

2. Лагутов Николай (по кафедре Христианства и литературы на тему: «В чем моя вера?»);

3. Первушин Михаил (по кафедре Древнерусской литерату-

ры на тему: «Литературное предание о преподобном Евфросине Псковском в Московской Руси XV—XVII веков: церковно-исторический и культурологический комментарий»);

4. Евстафий (Солнцев), иеромонах (по кафедре Патрологии на тему: «Эпистолярное наследие преподобного Макария, старца Оптинского»).

Защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия выпускники 2002/2003 учебного года и выпускники прошлых лет по сектору заочного обучения:

1. Базылев Вадим, иерей (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «История Пермской епархии с 1918 по 1945 гг.»);

2. Арсений (Соколов), иеромонах (по кафедре Священного Писания Ветхого Завета на тему: «Книга Иисуса Навина. Историко-экзегетический анализ»);

3. Кострюков Андрей (по кафедре Пастырского богословия на тему: «Деятельность русского военного духовенства в период Русско-японской и Первой мировой войн»);

4. Степанченко Александр, протоиерей (по кафедре Церковного права на тему: «Проблемы кодификации законодательства, действующего в Русской Православной Церкви»);

5. Синицын Дмитрий, иерей (по кафедре Истории Древней Церкви на тему: «Жизнь и миссионерские труды святого Патрика Ирландского»).

Удостоен степени кандидата богословия стажер Волгоградского православного университета Никифор (Жазаков), иеродиакон (по кафедре Патрологии на тему: «Жизнь, труды и богословские воззрения патриарха Григория II Кипрского»).

Защитил дипломную работу выпускник Академии 2002/2003 учебного года по очному отделению Академии Петров Марк (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «История Михаило-Афонской Закубанской пустыни»).

Защитил дипломную работу выпускник Академии 1998/1999 учебного года Каллистрат (Романенко), иеромонах (по кафедре Нравственного богословия на тему: «Этико-философские воззрения Конфуция»).

Защитили дипломные работы выпускники Академии 2002/2003 учебного года и прошлых лет по Сектору заочного обучения:

1. Александров Владимир (по кафедре Церковной археологии на тему: «Никольский Верхотурский монастырь: история, архитектура, святыни»);

2. Алшай Виталий (по кафедре Сектоведения на тему: «Вальдорфская педагогика»);

3. Кленин Владимир, протонерей (по кафедре Церковной археологии на тему: «Храм Христа Спасителя. История, архитектура, святыни»);

4. Нагайцев Константин, иерей (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Миссионерская деятельность Тобольских архипастырей XVII—XIX вв.»);

5. Штаудингер Роман, диакон (по кафедре Священного Писания Ветхого Завета на тему: «Образ пророка Иеремии в Священном Писании, в иудейской и христианской традициях»).

Защитили дипломные работы выпускники Семинарии 2002/2003 учебного года по дневному отделению¹:

1. Абрамов Игорь (по кафедре Литургики на тему: «Богослужбные традиции Покровского академического храма (1955—2000)»);

¹ Защита дипломных работ выпускниками Московской духовной семинарии в 2002—2003 учебном году состоялась впервые в связи с переходом на пятилетнее обучение и преобразованием Семинарии в высшее учебное заведение.

2. Алексейчук Андрей (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Учреждение патриаршества в России в русской историографии»);

3. Алифанов Максим (по кафедре Английского языка на тему: «Переводы Божественной литургии на английский язык»);

4. Алферов Сергей (по кафедре Догматического богословия на тему: «Объем и содержание понятия „Священное Предание“»);

5. Андреев Сергей (по кафедре Догматического богословия на тему: «Евхаристия и кафоличность в трудах богословов XX века»);

6. Ашимов Денис (по кафедре Миссиологии на тему: «Опыт построения курса „Основы Православия“ в старших классах средней школы»);

7. Бондарь Валерий (по кафедре Миссиологии на тему: «Миссионерское служение русских монастырей»);

8. Брагинец Валентин, диакон (по кафедре Церковнославянского языка на тему: «Сравнительный анализ богослужбных мнней Синодального издания и издания 1979—1989 гг.»);

9. Быстров Алексей (по кафедре Нравственного богословия на тему: «Священное Писание Нового Завета как источник учения Церкви о нравственности»);

10. Василенко Юрий (по кафедре Догматического богословия на тему: «Догматическое содержание службы Великой Субботы»);

11. Волков Сергей (по кафедре Сравнительного богословия на тему: «Критика римо-католической мариологии в трудах протоиерея Сергия Булгакова»);

12. Воронков Илья, иерей (по кафедре Катехизиса на тему: «Анализ книги святителя Григория Нисского „Опровержение Евномия“»);

13. Герасимов Владимир (по кафедре Сравнительного богословия на тему: «Старокатолический вопрос в России в XIX—XX веках»);

14. Гомозов Владимир (по кафедре Истории Русской Церкви

на тему: «Жизнь и деятельность митрополита Николая (Ярушевича)»);

15. Деревенец Алексей (по кафедре Миссиологии на тему: «История Русской Православной Миссии в Северной Америке»);

16. Дунин Сергей (по кафедре Истории русской религиозной философии на тему: «Вопрос непротivления злу силой в сочинениях русских религиозных мыслителей конца XIX—начала XX вв.»);

17. Ермолаев Марк, диакон (по кафедре Основного богословия на тему: «Постсоветский атеизм. Идеология, структура, адепты»);

18. Жир-Лебедь Андрей (по кафедре Греческого языка на тему: «Библиографический указатель переводов латинских и греческих отцов на русский язык»);

19. Колесник Максим, иерей (по кафедре Церковнославянского языка на тему: «Мнения и аргументы отечественных славистов о первой славянской азбуке»);

20. Кузнецов Валерий, диакон (по кафедре Священного Писания Нового Завета на тему: «Анализ апокрифических евангелий в свете Священных Новозаветных Писаний»);

21. Кустанов Георгий, диакон (по кафедре Священного Писания Нового Завета на тему: «Отношение Иисуса Христа к ветхому закону»);

22. Мельничук Кирилл (по кафедре Миссиологии на тему: «Миссионерское служение святителя Макария (Невского), митрополита Московского»);

23. Налапко Артемий (по кафедре Истории Древней Церкви на тему: «Святой Василий Великий. Борьба за церковное единства в IV веке»);

24. Неродюк Игорь, диакон (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «В. О. Ключевский как церковный историк»);

25. Нехаев Юрий (по кафедре Священного Писания Нового

Завета на тему: «Миссионерская деятельность святого апостола Павла»);

26. Овсиенко Алексей, иерей (по кафедре Истории русской религиозной философии на тему: «Вопросы пола в русской религиозной философии первой половины XX века (Розанов В. В., Вышеславцев Б. П., Зеньковский В. В.)»);

27. Огрызков Павел, диакон (по кафедре Пастырского богословия на тему: «Пастырская деятельность святителя Георгия (Конисского) и епископа Парфения (Сопковского) и их учение о пастырстве»);

28. Павличенко Павел (по кафедре Истории философии на тему: «Блез Паскаль как христианский апологет»);

29. Пашков Александр (по кафедре Латинского языка на тему: «Трактат о работе монахов блж. Августина. Перевод с латинского языка»);

30. Пирог Андрей (по кафедре Истории русской религиозной философии на тему: «Критика А. С. Хомякова в богословской мысли XX века»);

31. Правдолюбов Сергей (по кафедре Нравственного богословия на тему: «Вопросы нравственного воспитания в проповедях архиепископа Харьковского Амвросия (Ключарева)»);

32. Пырков Антон (по кафедре Нравственного богословия на тему: «Митрополит Николай (Ярушевич) как проповедник веры и нравственности»);

33. Святогоров Павел (по кафедре Истории Древней Церкви на тему: «В. В. Болотов. Жизнь и труды»);

34. Семин Игорь, диакон (по кафедре Догматического богословия на тему: «Понятие „воли“ в Православном богословии»);

35. Сидоров Олег (по кафедре Церковнославянского языка на тему: «Святитель Афанасий Сахаров как собиратель и составитель служб Русским святым»);

36. Сеницын Дионисий, диакон (по кафедре Священного Писания Ветхого Завета на тему: «Нравственное учение Синайского законодательства»);

37. Смирнов Николай, иерей (по кафедре Священного Писания Нового Завета на тему: «Нагорная проповедь — сущность христианского учения»);

38. Сокол Алексей, иерей (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Профессор Н. Ф. Каптерев как исследователь старообрядчества»);

39. Стороженко Иларион (по кафедре Катехизиса на тему: «Антропология святого Григория Нисского (по творению „Об устройении человека“)»);

40. Трубач Алексей, иерей (по кафедре Греческого языка на тему: «Перевод трактата блаженного Августина „О вере и делах“»);

41. Цветков Константин (по кафедре Древнегреческого языка на тему: «Перевод дополнительных глав к житию Пахомия Великого»);

42. Шевцов Кирилл, диакон (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Повесть о патриархе Никоне Иоанна Шушерина как исторический источник»);

43. Шевченко Дмитрий (по кафедре Сравнительного богословия на тему: «Женское священство в англиканстве»);

Не защитил кандидатскую диссертацию выпускник 1996/1997 учебного года игумен Корнилий (Кабаргин).

Не защитили дипломные работы по Академии выпускники 2002/2003 учебного года Чепрасов Александр (дневное отделение) и Растопчин Дионисий, иерей (заочное отделение).

Не защитили дипломные работы в Семинарии:

1. Поляков Сергей
2. Щербина Михаил
3. Шелемин Павел
4. Суханов Олег
5. Гузенко Алексей

Всего в Академии было успешно защищено 22 кандидатских

диссертации, из них 17 — студентами дневного отделения и выпускниками прошлых лет, 4 — выпускниками СЗО, одна диссертация была защищена стажером Волгоградского православного университета.

Также были успешно защищены 8 дипломных работ выпускников Академии, из них 2 — выпускниками дневного отделения, 6 — выпускниками СЗО.

Выпускниками Семинарии были успешно защищены 43 дипломные работы. 12 человек из числа выпускников Семинарии не успели подать дипломные работы к защите.

Постановили:

1. Доклад принять к сведению.

2. Игумена Корнилия (Кабаргина) и Чепрасова Александра лишить права защиты научных работ в связи с обнаруженным плагиатом.

3. Обязать выпускников Академии и Семинарии предоставлять кандидатские диссертации и дипломные работы не только в печатном, но и в электронном виде.

4. Просить Учебный Комитет при Священном Синоде создать единую базу данных дипломных работ и кандидатских диссертаций и обеспечить обмен научными трудами в электронном виде между Духовными школами Русской Православной Церкви.

ОТЗЫВЫ РЕЦЕНЗЕНТОВ

1.1. ОТЗЫВ заслуженного профессора К. Е. СКУРАТА на кандидатскую диссертацию иерея Сергея ДРОБЫ по кафедре Патрологии на тему: «Проблема воспитания детей и молодежи в русской церковной литературе новейшего периода (1917—1990 гг.)»

Диссертация священника Сергея Дробы состоит из введения, семи глав, подразделяемых на множество параграфов, заключения

(вывода) и обширной библиографии. Всего 175 страниц машинописи.

Читатель сразу же обращает внимание на широту охвата темы — от учения Священного Писания о воспитании детей (глава первая) до представления личности воспитателя, призванного подобно Божественному Наставнику «быть носителем Духа Божия, чтобы возжечь этим Духом и облагодатствовать сердца своих учеников» (глава седьмая, с. 153).

Автор отчетливо различает стоящую перед ним проблему и столь же четко зрит пути ее рассмотрения. «Самое важное время в жизни человека, — пишет он, — есть время воспитания, так как от правильного воспитания решается бытие человека не только в настоящей жизни, но и в вечности» (с. 3). И немного ниже: «...важно проследить путь обожения, восстановления человеческой личности, примирения человека с Богом» (с. 3).

Подобно набату гремят слова автора, выражающие актуальность разрабатываемой им темы в настоящее время: «...разрушается христианское понимание брака, семьи... Общественное воспитание и образование», оторванное «от церковно-традиционного опыта, не способно воспитать традиционные ценности в детской личности... Секуляризация и „обмирщение“ современного общества... совершенно удаляют детей от традиционных идеалов православной культуры...» (с. 5).

Но не в этих словах важность работы — картина «своеволия», греха представлена в целом ряде публикаций, об этом сегодня многие и говорят, и пишут, чем, по моему мнению, порою более нагоняют тоски, а вовсе не поднимают дух человека к добрым дерзаниям. Нужно, думается, не столько обращать внимание на разрушающее зло, сколько, и прежде всего, на добро — все созидающее, организующее и утверждающее. Выдвижение на первое место борьбы со злом может привести к тому, что мы в этой борьбе неминуемо и застряем, на том и остановимся, так и не успев выйти к Тринединному Солнечному Сиянию, к Добру, Свету и Теплу. Автор не остается всецело в пафосе борьбы со

всем негативным, но преимущественное свое внимание обращает на раскрытие положительного в деле воспитателя и воспитуемого. Именно в этом и есть главная ценность рассматриваемой диссертации. «Конечной целью воспитания, — пишет свящ. С. Дроба, — является соединение человека с Богом, а целью образования — образование Образа Христа в нем... Нагорная проповедь Спасителя — это духовное преображение ветхозаветного закона, ветхозаветного воспитания и образования... На освященном Спасителем основании развиваются семейные отношения, основой которых является чистота, целомудрие и вечное единение» (с. 23). «В отношении детей Господь от родителей требует любви, высокого уважения и признания их личного достоинства... Главным преподавательским методом должна быть любовь... Принцип христианской любви должен лежать в основе воспитания...» (с. 23, 24, 25). «Необходимо привить детям стремление к добру» (с. 166). Молитва педагога «и его духовная жизнь непременно спасет юную личность от потери веры» (с. 167). Эти глубоко продуманные заявления автора полностью отвечают содержанию диссертации. Расположенные в начале и в конце работы, они наглядно показывают ее внутреннее единство.

Особенной теплотой отличается глава третья — «Значение семьи в деле воспитания». В этой теплоте чувствуется несомненный личный опыт молодого отца. Здесь дано много добрых советов: уклад семьи нужно держать в неразрывной связи с богослужбным кругом Святой Церкви, всякое дело следует предварять молитвой, подобает следить за «чинностью» питания ребенка, надлежит приучать его все начатое доводить до конца (с. 62), развивать творческие силы души (с. 63) и т. д.

В четвертой главе — «Значение общества, общественного воспитания и школы в становлении личности» — привлекает внимание дельное предложение: «создавать островки православной (церковной) культуры... — православные школы и гимназии» (с. 90), в которых следует заботиться не столько о «сумме знания о Боге», сколько вовлекать «детей в области религиозных пе-

реживаний, укореняя религиозные привычки» (с. 92). «Наиболее применимая форма преподавания Закона Божия, — мудро утверждает автор, — это беседа, при которой устанавливаются теплые, дружеские отношения преподавателя и ученика» (с. 93).

Примечательно, что автор показывает, и притом показывает вполне убедительно, уникальность влияния Святой Православной Церкви, церковных уставов на дело воспитания детей и молодежи — на дело преобразования их личности (глава шестая). «Православный храм, — свидетельствует он, — это духовный маяк, островок святости, без которого невозможно воспитать детей благочестивыми» (с. 124). «Святые Таинства Церкви освящают Благодатью Святого Духа все стороны жизни человека и ведут его к исполнению целей и задач воспитания» (с. 136).

Короче, рассматриваемая диссертация — это ценный вклад в дело возрождения и утверждения церковной традиции воспитания россиян. Она указывает пути к достижению самой важной — жизненной цели: спасения в Господе нашем Иисусе Христе, соединения с Горним Миром.

Замечаний немного, к тому же незначительных.

Подчас создается впечатление, что это не ученая диссертация, а беседа в кругу педагогов, законоучителей, воспитателей; или даже собрание докладов, тесно соединенных между собой одной и той же темой. Но, вероятно, эта особенность диссертации вызвана, с одной стороны, характером темы, а с другой — использованной литературой. Делая это замечание, одновременно необходимо отметить: все собранное и изложенное автором полезно и интересно.

Невозможно оправдать необходимость приведения автором после титульного листа девяти (!) эпитафий, да еще представленных в непонятной последовательности — слова святителя Игнатия цитируются после И. А. Ильина и К. Д. Ушинского. — Следовало бы ограничиться двумя первыми эпитафиями: из Священного Писания и из творений св. Иоанна Златоуста.

В сносках не всегда присутствует достаточная ясность. Напри-

мер, на страницах 5 и 6 непонятно, к чему относится: «Там же». А цитаты нередко приводятся не по первоисточнику, а по вторичным пособиям (см. с. 15, 22, 23...).

Диссертацию считаю более чем хорошей, а автора ее — священника Сергия Дробу — заслуживающим ученой степени кандидата богословия.

1.2. ОТЗЫВ преподавателя протоиерея Александра ШАРГУНОВА на кандидатскую диссертацию студента IV курса Академии иерея Сергия ДРОБЫ по кафедре Патрологии на тему: «Проблема воспитания детей и молодежи в русской церковной литературе новейшего периода (1917—1990 гг.)»

Диссертация выпускника МДА священника Сергия Дробы на соискание ученой степени кандидата богословия посвящена исследованию трудов отечественных богословов, писавших о воспитании детей и юношества.

Практическую значимость выбранной автором темы невозможно переоценить. Церковные писатели с древнейших времен уделяли особое внимание правильному воспитанию детей в христианских семьях. Эпиграфом диссертации служит подборка цитат из апостола Павла, святителя Иоанна Златоуста, святителя Игнатия Брянчанинова, а также из трудов христианских мыслителей недавнего прошлого. Приведенными словами определяется, можно сказать, «стратегическое направление» христианского воспитания, которое должно остаться в общих чертах одинаковым в любую эпоху. Однако «тактические средства» правильного воспитания могут сильно меняться со временем в зависимости от множества обстоятельств.

Нравственная атмосфера сегодняшнего общества оценивается автором как крайне трудная для полноценного воспитания детей и юношества. Воспитание в таких условиях никак не может строиться на случайных основаниях. Поэтому осмысление «мудрых педагогических проблем, выдвинутых современностью», по

трусам русских церковных писателей новейшего периода может представлять немалую практическую ценность. Особенно важно это для пастыря Церкви.

Диссертация состоит из следующих частей:

а) Введение, включающее параграфы «Актуальность темы исследования», «Степень разработанности проблемы», «Цели и задачи исследования», «Направление работы», «Источники исследования» и «Структура работы».

б) Главы I—II, в которых раскрываются понятия воспитания и образования как с точки зрения Церкви, так и в понимании светской науки последних столетий.

В главе I дается общая характеристика ветхозаветного понимания нравственного совершенствования в верности Богу и Закону, а также «приуготовления народа к приходу в мир вечного Слова Божия». Далее определяется христианское воспитание как «возвышение к Божественному совершенству, которое заключается в соединении со Христом Богочеловеком», Который есть «Альфа и Омега воспитания и образования».

Глава II содержит краткий обзор основных течений светской воспитательной мысли XVIII—XX веков. Как показывает автор, «безрелигиозные педагогические течения... оказались совершенно несостоятельными в построении своих педагогических систем без Бога» и «так (от противного) была подготовлена почва для религиозной системы воспитания». Раскрываются сами понятия воспитания и образования, а также дается христианское понимание их основной задачи как «восстановления образа Божия в человеке».

в) Глава III раскрывает значение семьи в деле воспитания. Приводится изложение церковного учения о браке. Показано, что утрата семейного уклада в последние столетия явилось одной из важнейших причин современных нарушений в воспитании детей. Сформулировано важнейшее условие для правильного воспитания детей — подлинно христианская жизнь родителей в семье. Особое значение автор справедливо уделяет соче-

танию «мудрости родительской с молитвой Богу о ребенке». На этом основании строятся понятия семейного уклада, дисциплины, а также даются принципы подготовки ребенка к жизни в обществе.

г) Глава IV посвящена влиянию общества, общественного воспитания и школы в становлении личности. Показано, что в целом здесь преобладают различные негативные воздействия, в особенности со стороны массовой культуры, неформальных молодежных организаций. Показано, что «для решения этой проблемы необходим возврат к семейным отношениям и практическое изучение молодежью основ православной традиции и культуры». Особое внимание в работе уделяется отрицательному влиянию современной государственной школьной системы, которая «искусственно борется с религиозными запросами детской души», где над детскими душами «совершается пагубное насилие, подавляющее естественное стремление к духовности».

К сожалению, предложенный в работе выход из сложившегося положения — «создание островков православной культуры» в виде православных учебных заведений нельзя признать достаточным. Далеко не все верующие родители имеют возможность отдавать своего ребенка в православную гимназию. Сегодня особую важность имеет проблема влияния Церкви и церковных организаций на светскую школу. (Положительным примером могут послужить недавнее введение в школах факультативного курса «Основ православной культуры», известные прецеденты создания православных военно-патриотических клубов для подростков и т. п.)

д) Глава V посвящена возрастным особенностям развития личности ребенка. Здесь кратко и точно сформулированы как психологические и телесные, так и духовные особенности, присущие каждому возрасту. Дается ряд ценных советов воспитателям.

е) В главе VI рассматривается значение Святой Церкви в деле воспитания. Подчеркивается особенная важность в деле вос-

питания богослужения и таинств. Прикладную значимость имеют пп. VI.3 и VI.4, где даются рекомендации духовникам и законоучителям.

ж) Глава VII посвящена вопросу о личности преподавателя. Отмечаются основные качества, которыми должен обладать воспитатель, особенности отношений учителя и ученика.

В целом диссертация священника С. Дробы представляет несомненную ценность как изложение опыта христианского воспитания детей и юношества в современных условиях. Однако она не лишена и недостатков.

Автором проделана большая работа по анализу трудов православных педагогов последнего столетия (список цитируемой литературы включает около ста наименований). Но исследование подобного рода должно было бы включать более подробный обзор источников, хотя бы самых основных, в то время как параграф «Источники исследования» включает лишь перечисление авторов и названий работ.

Автор правильно определяет христианское воспитание как «возвышение к Божественному совершенству, которое заключается в соединении со Христом Богочеловеком». Однако, к сожалению, в работе не уделено должного внимания тому пути, по которому совершается это возвышение: почти не говорится о Кресте Христовом и о его значении в деле воспитания. Речь идет не о «формально-обязательном» упоминании церковного догмата. Невозможно никого научить самопожертвованию и любви, не говоря об их крестном смысле. Также верующему человеку, особенно в наше тяжелое время, приходится уже с детства переживать скорби. Поэтому воспитание, построенное на понятиях «любви, добра и правды», но не дающее представления о смысле страданий, неизбежно заходит в тупик.

Во введении автор отмечает крайне неблагоприятную нравственную обстановку в современном российском обществе. Однако путям преодоления этого беспрецедентного негативного влияния уделяется всего 1—2 абзаца, в то время как это едва ли

не самая болезненная проблема, с которой сталкиваются сегодня православные родители и педагоги.

Автору следовало бы уделить более внимания аккуратности оформления работы: в тексте встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (ср. 21, 36, 46, 53, 75 и др.).

Считаю, что кандидатская диссертация священника С. Дробы заслуживает хорошей оценки.

2.1. ОТЗЫВ преподавателя Р. М. КОНЯ на кандидатскую диссертацию студента IV курса Академии иерея Олега КОРЫТКО по кафедре Сектоведения на тему: «Историко-богословский анализ сотериологии протестантских сект (баптистов, пятидесятников, адвентистов, иеговистов)»

Кандидатская диссертация священника Олега Корытко посвящена исследованию происхождения сектантских доктрин баптистов, пятидесятников, адвентистов и иеговистов, выявлению взаимозависимости вероучений этих сект и их влияний друг на друга.

Представленная работа состоит из семи глав, первая из которых является введением, а в пяти последующих, написанных приблизительно по одной схеме, рассматриваются основные факторы, повлиявшие на становление доктрин перечисленных сект, а также излагаются основные положения их сотериологии. В седьмой главе систематизированы итоги исследования и дается краткое заключение. Завершается диссертация библиографией. Общий объем работы составляет 179 страниц.

Во введении указаны цель и задачи работы, а также дается обзор литературы и источников по теме, нередко переходящий в простое перечисление работ по данной тематике. Суждения автора относительно некоторых книг весьма категоричны и кратки. Тем не менее, следует особо отметить, что диссертация написана с использованием современных материалов и, кроме того, ее автор встречался с представителями названных сект и работал в

их библиотеках, что является несомненным достоинством его работы.

Во второй главе изложены в общих чертах богословские предпосылки становления западной сотериологии, повлиявшей на формирование доктрины баптизма, из которого впоследствии произошли адвентисты, оказавшие влияние на вероучения неговизма. Влияние баптизма во многом сказалось и на пятидесятничестве.

Третья глава посвящена сотериологии баптизма. В ней в целом верно отражены существенные вероучительные положения баптизма, но в отдельных частях этой главы нужна была бы более четкая формулировка излагаемых автором мнений. Так, касаясь учения баптистов о грехопадении, автор считает, что, согласно их взглядам, человеческое естество находится в состоянии полного повреждения (с. 38), что не совсем точно, поскольку в баптизме наличествуют разные взгляды по этому вопросу, и автор в дальнейшем их приводит, ссылаясь на высказывание одного из лидеров российского баптизма о необходимости прилагать «разумные и свободные усилия» (с. 45) для получения спасения. Слабой стороной этой главы является отсутствие основательного обзора факторов, повлиявших на становление баптизма, хотя частично данный вопрос затрагивается во второй главе.

В четвертой главе рассматривается сотериология пятидесятничества. В ней дан достаточно глубокий анализ аспектов, определивших специфику пятидесятничества, хотя соответствующий материал излагается не всегда последовательно. В частности, следовало вначале дать обзор ривайвализму и Великим Побуждениям на Западе, а затем перейти к методизму, который придал мощный толчок проповеди ривайвелистов. При изложении пятидесятнического понимания искупления автор опирается на мнение известного харизматика Йонги Чо (с. 67—68), однако суждения последнего вовсе не признаются в пятидесятничестве бесспорными.

В пятой главе исследуется сотериология адвентизма седьмо-

го дня. Автор обстоятельно анализирует причины, приведшие к возникновению эсхатологического движения на Западе, которое приняло в США форму адвентизма. Однако для большей полноты картины следовало бы указать еще и на европейские корни интереса к апокалиптическим идеям в Новом Свете.

Шестая глава посвящена рассмотрению сотериологии свидетелей Иеговы. В ней обозначены основные факторы, повлиявшие на становление иеговизма, и изложены его основные вероучительные идеи. Но в той части, где раскрывается иеговистское понимание грехопадения и суть Искупления, надо было больше внимания уделить связи Искупления с оправданием не только человека, но, в первую очередь, Бога. Хотя об этом и упоминается кратко в дальнейшем на с. 141—142 и на с. 116 со ссылкой на предыдущие главы.

В седьмой главе подведен общий итог проделанной работы, показана эволюция богословских идей в западном богословии и в протестантских сектах, а также отмечены причины, повлиявшие на возникновение новых для протестантской среды идей.

Библиография включает перечень источников и литературы и насчитывает 183 наименования.

Положительно оценивая работу в целом, следует отметить, что в работе есть и технические погрешности. На с. 86 вместо 1918 года следовало бы указать 1818 год.

Высказанные замечания не снижают общей положительной оценки диссертации, ее автор заслуживает присвоения ему научной степени кандидата богословия.

2.2. ОТЗЫВ преподавателя иерея Владимира ШМАЛИЯ на кандидатскую диссертацию студента IV курса Академии иерея Олега КОРЫТКО по кафедре Сектоведения на тему: «Историко-богословский анализ сотериологии протестантских сект (баптистов, пятидесятников, адвентистов, иеговистов)»

Тема, избранная автором для написания диссертационной работы, весьма сложна. Ее раскрытие требует широкого богословского кругозора, познаний в области истории западного христианства, серьезного навыка самостоятельной аналитической работы.

Еще одна сложность — это недостаточное количество серьезных современных научных работ православных авторов в сфере изучения протестантских деноминаций и сект. Имеющиеся работы по сравнительному богословию и сектоведению либо устарели, либо не имеют научного характера.

В этом смысле следует приветствовать появление работы такого рода.

Рассматриваемая работа состоит из семи глав, включая введение и заключение, а также весьма солидного перечня использованной литературы.

Во введении автор обосновывает актуальность работы, оценивает степень разработанности, очерчивает круг источников, формулирует цель и задачи исследования, отмечает его научную новизну, описывает структуру работы и перечисляет методические основы исследования.

Вторая глава («Генезис сотериологической доктрины в западном христианстве») представляет собой историко-богословское введение в работу, охватывающее период от блаженного Августина до Реформации (при этом автор не выдерживает заданной им темы главы и включает в нее раздел «Учение Восточной Кафолической Церкви о сути Искупления и природе благодати Божией», который почему-то оказывается включен между Оккамом и Лютером).

Главы с третьей по шестую посвящены, соответственно, рассмотрению «сотериологии баптизма» (глава 3), «сотериологии пятидесятников» (глава 4), «сотериологии адвентистов Седьмого дня» (глава 5) и «сотериологии свидетелей Иеговы» (глава 6). Сотериология указанных религиозных сообществ рассматривается в каждой главе в общем доктринальном контексте.

В заключительной главе автор прежде всего стремится дать

общую оценку с позиций православного богословия рассмотренным им выше сотериологическим учениям. Местами это приводит к дублированию богословских и вероучительных положений, изложенных им выше, что, впрочем, сделано автором сознательно, следуя избранной им логике изложения: сначала описание, а затем заключительная оценка.

В целом работа производит весьма благоприятное впечатление. Она отличается стройностью замысла и отчетливостью плана. Материал изложен логично, ясно и последовательно. Стилль работы выдержан (за исключением избыточного цитирования на английском языке). Автор стремится к объективному изложению проанализированного им материала, избегая поспешных и эмоциональных оценок. При этом он ясно демонстрирует свою позицию как православный богослов.

Вместе с тем данная работа несвободна и от недостатков.

Прежде всего, вызывает большое сомнение целесообразность объединения в одной теме исследования вероучения столь разных религиозных общин. Тема, как таковая, в работе не обосновывается. Ощущение того, что данные «протестантские секты» объединены в работе случайно и механически, по ее прочтении лишь усиливается.

Несмотря на то, что автор вполне корректно описывает базу оказавшихся *доступными для него* источников, это не снимает вопроса о том, насколько адекватно, репрезентативно и полно в *изученных им* трудах излагается вероучение, к примеру, баптистов или пятидесятников. В работе, и это, как представляется, главный ее недостаток, практически не показывается отсутствие доктринального консенсуса и богословского плюрализма у ряда «сект», которые описывает автор.

Отмеченные недостатки работы ни коим образом не ставят под сомнение ее достоинства. Данная работа, как представляется, вполне соответствует уровню требований, предъявляемых к диссертациям на соискание ученой степени кандидата богословия. Ее автор отчетливо продемонстрировал высокий уровень богослов-

ской подготовки и исследовательских навыков, и поэтому представленная им работа заслуживает отличной оценки, а автор — искомой степени кандидата богословия.

3.1. ОТЗЫВ доцента протоиерея Сергея ПРАВДОЛЮБОВА на кандидатскую диссертацию студента IV курса Академии Павла БОБРОВА по кафедре Литургики на тему: «Литургическая тематика Богослужбного отдела Поместного собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг.»

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии и приложения, содержащего фрагменты документов, тексты чинопоследований погребения диакона, особой литии для сущих в скорби и обстояниях, Недели Православия.

Автор изучил большой объем архивного рукописного и машинописного материала, тщательно проработал его, логично и стройно изложил его в своем сочинении. Структура сочинения выдержана в традициях написания диссертаций: в начале поставлены задачи и цели работы, в конце автор сделал выводы, к которым пришел в ходе изучения данного материала.

Хотелось бы, чтобы автор более тщательно откорректировал свой компьютерный текст, убрав из него опечатки и ошибки, которые не часто, но встречаются в тексте работы. В Академии принято подписывать сочинение именем и фамилией автора, я думаю, что надо сохранять эту традицию.

Работа весьма актуальна, тема была выдвинута давно и взята из списка тем, который помещен на стенде Академии. Предстоит еще много потрудиться, чтобы усвоить то положительное, что выработал Поместный собор, и отчетливо осознать временное и преходящее, от которого никто не может быть свободен. Автор понимает ответственность именно такой задачи в изучении Предсоборных заседаний и Деяний самого собора.

В раздел, посвященный веществу Евхаристии, можно добавить, если автор захочет опубликовать часть работы именно с

этим разделом, устное свидетельство протоиерея Петра Раины, служившего в Николо-Хамовническом храме г. Москвы в начале 1980-х гг. и о. настоятеля и бывшем до того Экзархом Русской Православной Церкви в Каире при Александрийском Патриархе. Отец Петр рассказал, что он задавал вопрос Святейшему и Блаженнейшему Папе и Патриарху Александрийскому Николаю VI о возможности служения Литургии на ягодном соке в крайних и смертных обстоятельствах. Патриарх решительно запретил. Тогда отец Петр, сам прошедший всю войну солдатом, сказал: «Если партизанам достоверно известно, что днем придет карательный отряд и всех убьет, — как быть, можно ли служить Литургию на клюквенном или брусничном соке?» Он добавил что-то и о заключенных в лагере. Блаженнейший Патриарх и Судия Вселенной подумал некоторое время и потом так же решительно разрешил и благословил в таких условиях служить Евхаристию на соке.

Сочинение Павла Боброва заслуживает высокой оценки («пять»), а автор — искомой степени кандидата богословия.

3.2. ОТЗЫВ преподавателя игумена ТИХОНЫ на кандидатскую работу студента IV курса Академии Павла БОБРОВА по кафедре Литургики на тему: «Литургическая тематика Богослужбного отдела Поместного собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг.»

Поместный собор 1917—1918 гг. — одно из величайших и значительнейших событий ушедшего XX столетия. Его документы, в которых нашли отражение и решение различные вопросы церковной и общественной жизни, вызывают интерес и являются до сих пор предметом как отечественных, так и зарубежных исследований (А. Г. Кравецкий, прот. Н. Балашов; проф. Г. Шульц). Объясняется это прежде всего тем, что многие решения собора стали особенно актуальными именно в наши дни, когда стала активно возрождаться церковная жизнь.

В 1994—1996 гг. было осуществлено репринтное издание Деяний Поместного собора, но оно оказалось неполным в силу различных причин. Представленная диссертация не претендует на то, чтобы окончательно устранить образовавшиеся лакуны, однако немало содействует введению в научный оборот, в чем несомненное ее достоинство, дотоле не опубликованных архивных материалов, связанных с деятельностью Поместного собора (выступления, справочные и биографические сведения).

Предметом исследования является одна из сторон жизни церковной — литургическая и вопросы, с ней связанные. Автор приводит высказывания соборян о богослужении, о правке и редактировании богослужебных книг, о единообразном сокращении богослужения, о принципах этого сокращения и многие другие, показывая тем самым весь спектр «наболевших» вопросов. Работа правильно структурирована, отвечает требованиям к написанию научных изысканий и носит преимущественно описательный характер. Построена по плану, который, по всей видимости, был предрешен диссертантом в ходе работы с архивными материалами: предыстория вопроса, обсуждение его на соборе, итоги. Заслуживают внимания и вполне могут быть помещенными на страницах «Богословского вестника» после надлежащей доработки такие разделы диссертации, как «упорядочивание богослужебной практики» (с. 25—49), «поминование на ектениях» (с. 102—106).

Если привлечение неопубликованных документов собора является несомненным достоинством работы, то отсутствие в ней авторских комментариев к выступлениям соборян является заметным недостатком. Имей место такие комментарии, работа выглядела бы основательнее. Ведь нельзя идти лишь «по пути систематизации, изложения мнений», как это считает диссертант, «устраняясь от каких бы то ни было оценок» (с. 11). Это во-первых. Во-вторых, известно, что материалы собора хранятся в двух архивных собраниях — в Москве, в ГАРФ (ф. 3431) и в Санкт-Петербурге, в РГИА (ф. 833). Было бы уместным при написа-

нии диссертации учесть последнее, Санкт-Петербургское собрание, которое содержит наиболее полные и исправленные машинописные варианты. Из приведенных диссертантом источников и библиографии (с. 154—158) видно, что не учтен также и личный фонд председателя редакционного отдела собора С. Г. Рункевича, находящийся в отделе рукописей РГБ.

Интересно, почему вопросы, поднимавшиеся на соборе, рассматриваются автором не в хронологическом порядке? Как понималась соборными «общая исповедь»?

Все перечисленное, однако, нисколько не умаляет кропотливый труд автора. Диссертация читается увлекательно и оставляет самые хорошие впечатления. Ею можно воспользоваться при изучении таких наук, как литургика, практическое руководство для пастырей, гомилетика, история Русской Церкви. Отмеченные в тексте диссертации незначительные стилистические ошибки (сс. 7, 8, 34, 57, 152) и грамматические неточности (сс. 66, 87), существенно не влияют на ее содержание. Она может быть оценена на «отлично». Автор вполне справился с поставленной перед ним задачей, раскрыл тему и заслуживает искомой степени.

4.1. ОТЗЫВ профессора протоиерея Владислава ЦЫПИНА на кандидатскую диссертацию студента IV-го курса Академии иеромонаха ИОСИФА (Павлинчука) по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 год»

Диссертация иеромонаха Иосифа (Павлинчука), объемом 221 страница (вместе с приложениями), состоит из введения, разделенного на пять разделов, двух частей, первая из которых называется «Общее описание истории Кишиневско-Молдавской епархии в советский период с 1944 по 1989 год» и включает пять глав, материал которых распределен в соответствии с периодизацией этой эпохи; вторая часть не имеет названия и разделена на три главы: 1) Епархиальное управление и архиереи Кишинев-

ско-Молдавской епархии; 2) Приход и приходское духовенство Кишиневско-Молдавской епархии; 3) Монашество и монастыри Кишиневско-Молдавской епархии. Главы делятся на параграфы по хронологическому принципу. Заключительная часть диссертации названа «Заключение и выводы».

Библиография включает перечень архивов, документы из которых использованы в диссертации (6 названий), раздел, названный «Документы, документальные собрания и прочие первоисточники» (18 названий) — этот раздел можно было бы озаглавить «Опубликованные источники», затем «Научные работы» — отдельно книги (80 наименований) и статьи (42 наименования), и, наконец, перечень периодических изданий (30 названий). Диссертант включил в диссертацию и пользовался источниками и литературой на русском и румынском (молдавском) языке.

1-е приложение к работе содержит иллюстративный материал; 2-е приложение — «Список арестованных, осужденных и убиенных за веру священников, монахов и мирян»; 3-е — тексты документов.

Рецензируемая кандидатская диссертация представляет собой солидную оригинальную работу, построенную на архивном материале, написанную с учетом всей имеющей существенное значение литературы по теме. История Молдавской епархии представлена в диссертации многосторонне, подробно, на фоне истории Русской Православной Церкви и истории Молдавии в советскую эпоху. Оценки автора в основном верные, возражений не вызывают. В диссертации на строго документальной основе воспроизведены важнейшие события церковной жизни епархии; в особенности ценными представляются страницы, посвященные закрытию монастырей Молдавии, как в первые послевоенные годы, так и в период хрущевских гонений. Автором диссертации тщательно прослежены взаимоотношения партийно-государственных властей с Церковью, как в Молдавии, главным образом на материале архива Уполномоченного Совета по делам Русской Православной

Церкви в Молдавской ССР, так и в масштабах всего советского государства; вполне убедительно показано, как основные тенденции в религиозной политике советских верхов преломлялись в Молдавии с ее национально-исторической спецификой. В работе есть эпизоды, выразительно характеризующие бытовую сферу религиозной жизни епархии (см. с. 106—107). Характеристики архиереев, возглавлявших епархию, написаны не по шаблону, не стерто, но вполне индивидуализированно, портретно. Во всем этом положительные достоинства кандидатской диссертации иеромонаха Иосифа.

Теперь о недостатках. Один из них заключается в том, что в работе есть повторы. Поскольку первая часть носит обобщающий характер, а далее, во второй части, автор сосредоточивает внимание либо на деятельности епархиального управления, либо на приходской жизни, либо на истории монастырей, то в этой второй части, иногда буквально близко к тексту, воспроизводится написанное в первой части. Например, с. 67 и с. 24. До известной степени такие повторы, очевидно, неизбежны, но, по крайней мере, следовало бы избегать текстуальных повторов.

Еще ряд замечаний частного характера. На с. 17 упоминаются викарные епархии. Викарных епархий не бывает. Викарными именуются епископы, не управляющие епархиями. В Румынской Церкви епархии составляют часть митрополичьих округов, но не становятся от этого викарными.

На с. 86 и потом еще не один раз диссертант по отношению к действиям митрополита Нектария употребляет излишне резкое выражение «позорные поддакивания». Критическая оценка действий митрополита, вероятно, до известной степени справедлива, но выражаться стоило осторожнее — скажем, «достойные сожаления».

На с. 104 о бывшем митрополите Киевском сказано, что он был лишен сана через анафематствование — здесь соединены в одно два акта: лишение сана Архиерейским собором 1992 года и анафематствование на Архиерейском соборе 1997 года.

На с. 109 читаем: «Архиепископ Ионафан был награжден несколькими наградами со стороны Московской Патриархии и Советского правительства, но это не отражает его деятельности на вверенной его... попечению кафедре». Эта фраза вызывает недоумение; предполагаю, что смысл ее заключается в том, что награды со стороны правительства его не компрометируют. Следовало бы, во всяком случае, выразиться яснее.

На с. 115 и 117 религиозная политика Советского Союза 1944—1947 гг. характеризуется противоречиво; в одном случае как сравнительно толерантная, в другом как репрессивная.

На с. 98 и 99 время перемещения архиепископа Варфоломея с Ташкентской кафедры на Орловскую датировано 1986 и 1987 гг.

Есть в работе и опечатки; в отдельных случаях затрудняющие правильное прочтение; например, на с. 97 вместо «написанных» законов надо «неписанные» законы. На с. 38 титул епископа «Черниговского и Ижевского» вместо «и Нежинского».

Можно отметить также стилистические шероховатости; в отдельных случаях грамматические ошибки.

Но это все не имеет существенного значения при оценке диссертации. Диссертант заслуживает присвоения ему за рецензируемый труд степени кандидата богословия. Его труд при надлежащем редактировании может быть рекомендован к публикации. Работа заслуживает высокой оценки.

4.2. ОТЗЫВ преподавателя Г. Е. КОЛЫВАНОВА на кандидатскую диссертацию студента IV-го курса Академии иеромонаха ИОСИФА (Павлинчука) по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 год»

Кандидатская диссертация иеромонаха Иосифа посвящена периоду истории православия в Молдавской земле, который до сих пор почти не освещен в церковно-исторической науке. Поэтому представленная на соискание степени кандидата богословия

работа весьма актуальна. Следует отметить, что автор справился с поставленной задачей — воссозданием истории Кишиневско-Молдавской епархии с 1944 по 1989 год. Иеромонахом Иосифом привлечен обширный пласт архивных документов, большое количество публикаций на русском и румынском языках. Диссертация написана живо и увлекательно, богата фактически данными. Отрицательной чертой работы иеромонаха Иосифа являются частые повторы, когда один и тот же факт упоминается на страницах диссертации по два-три раза. Также в работе присутствуют стилистические и грамматические ошибки и опечатки. Неприятное впечатление оставляет частое употребление сокращения РПЦ вместо полного названия нашей Поместной Церкви.

В работе присутствует ряд неточностей. На с. 123 приводится цитата, в которой Брежнев именуется секретарем ЦК Молдавии. Следовало оговорить, что Л. И. Брежнев занимал более высокий пост — Первого секретаря ЦК КП Молдавии. Название города Касимов автором почему-то дается с двумя «с». Фамилия заместителя Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Платона — Лобанков, а не Лобнаков, как у автора. Священнослужители в диссертации порой именуется по фамилиям, без имен. Уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви и Совета по делам религий автор почему-то именуется «по-советски»: товарищ Роменский, товарищ Олейник. Было бы, на наш взгляд, желательным привести в диссертации биографии этих деятелей. Обращаем внимание автора на то, что в дореволюционной России университеты именовались Императорскими, а не Государственными (не МГУ, а ИМУ).

В целом, работа оставляет очень хорошее впечатление и заслуживает оценки: «весьма хорошо».

5.1. ОТЗЫВ преподавателя Р. М. КОНЯ на кандидатскую диссертацию студента IV курса Академии диакона Илии

КОКИНА по кафедре Сектоведения на тему: «Богородичный центр: история, вероучение, религиозная жизнь»

Диссертация диакона Илии Кокина представляет собой исследование, посвященное анализу причин возникновения и истории распространения Богородичного центра, изложению его вероучения и религиозной жизни.

Представленная работа состоит из вступления, трех глав, где раскрывается содержание работы, заключения, библиографии, четырех приложений и иллюстраций. Общий объем работы составляет 271 страницу, из которых 197 — текст диссертации.

Во введении дается общий взгляд на возникновение сект и приводится беглый обзор литературы по данному вопросу. В данном случае серьезный анализ литературы был бы более чем уместен, поскольку трудов по данной теме немного, некоторые из них являются основательными исследованиями истории и идеологии, а также вероучения секты. Поэтому автору следовало показать положительные и отрицательные стороны каждого из них, оценить проделанную его предшественниками работу и наметить те задачи, которые ему самому предстояло решить. Тем не менее, надо отметить, что работа написана на основании большого количества первоисточников, что является ее достоинством. Кроме того, автор неоднократно имел встречи с богородичниками.

В первой главе изложена история возникновения и распространения Богородичного центра. В начале приводится биография основателя секты и предпринята попытка дать его психологический портрет. Затем следует описание процесса становления Богородичного центра, показана сомнительность притязаний сектантов на апостольское преемство. Однако ни в этой, ни в другой главах не дано описание структуры и управления Богородичного центра. Также в этой главе не рассмотрена религиозно-политическая идеология, что является важным упущением в работе.

Во второй главе автор, рассматривая вероучение богородичников, приходит к заключению о подобии их теологических построений гностическим системам, порождающим модалистическое представление о безликом божестве, состоящем из мужского начала и женского, олицетворяющегося Софией Марией. Далее следует изложение космогонии, представлений о человеке, учения о спасении, эсхатологии и гносеологии.

Третья глава посвящена исследованию религиозной жизни. В ней последовательно описаны семь обрядов, а также отношение сектантов к почитанию креста, святых, мощей и икон. Хотя весь этот материал целесообразно было бы отнести к предыдущей главе. Затем следует изложение этических принципов отношения к ближним, а также описание аскетических добродетелей.

В заключении же, где следовало ожидать подведения итогов работы, автор ограничился только самыми общими рассуждениями.

Библиография состоит из 258 наименований источников, книг и статей. Причем некоторые книги автор, судя по сноскам, даже не читал (с. 190, сн. 2).

В работе имеются четыре приложения со следующими названиями: «Исторический обзор идейных предшественников БЦ», «Священное Писание, Священное Предание и Откровение Девы Марии», «Влияние пребывания в БЦ на человеческую психику», а четвертое приложение включает в себя документы, относящиеся к истории, внутренней жизни БЦ.

В целом, оценивая работу положительно, следует отметить ряд недостатков. Во-первых, текст работы перенасыщен цитатами и содержит особенно в вероучительной части работы непропорционально мало авторского текста. Иногда фразы строятся из кусков цитат богородичников. Такой способ изложения материала был бы оправдан в случае наличия ясной богословской системы и достаточно разработанного понятийного аппарата, но в данном случае указанные требования как раз отсутствуют, что не способствует отчетливости и вразумительности изложения матери-

ала. Даже в тех главах, где диссертант предпринимает попытки систематизации богородичного учения и где надлежало бы быть авторскому комментарию к ранее сказанному, также, как правило, используется цитирование, что уменьшает достоинство проделанной работы. Иногда цитаты богородичников автор приводит неуместно и комментирует их неудачно. Например, автор пишет: «Литургии... противопоставляется индивидуализм „частной“ виртуальной реальности». Но ни текст, на который ссылается автор, ни ближайший контекст работы не дают оснований для столь категоричного вывода (с. 134, сн. 4). В конечном итоге такой подход приводит к весьма спорным заключениям. По мнению автора, Береславский использует коллективное богослужение главным образом для контроля и манипуляции сознанием паствы (с. 135). Для подтверждения этого мнения он ссылается в основном на исследования западных светских исследователей. (с. 135). Однако если использовать критерии сектантства, предложенные этими исследователями, к богослужению и аскетике в Православии или, скажем, в католичестве, то окажется, что и здесь также наличествует контролирование сознания.

Авторский критический комментарий хода литургии богородичников, сопровождающейся религиозными танцами и возгласами, основан на заключении психиатра, для большей убедительности автор ссылается на слова преподобного Макария Египетского о том, что для истинной молитвы не надобно ни жестов, ни возгласов». Однако в том вырванном из контекста виде, в каком слова преподобного приведены в диссертации, они не выглядят вполне убедительно. Неудачны также и возражения против религиозных танцев у богородичников (с. 142).

Во-вторых, нередко суждения автора излишне эмоциональны. Особенно это заметно при цитировании текстов, которые весьма часто сопровождаются авторскими вставками многочисленных вопросительных знаков, усиленных еще и несколькими восклицательными. Но задача работы заключается не в демонстрации эмоций автора, а в аналитическом изложении материала. Не ис-

ключено, что такая эмоциональность явилась причиной некоторых неясностей и противоречий в суждениях диссертанта. В тех частях работы, где диссертант излагает учение секты по источникам, его мнения достаточно верно передают суть учения сектантов. Но там, где он начинает высказывать свои критические замечания, они не всегда изложены корректно и бесспорно (о чем было упомянуто выше). Так, автор высказывает мнение о тоталитарности БЦ на основании того, что вся полнота власти сосредоточена в руках основателя секты Береславского (с. 28), в секте четко выстроена вертикаль власти (с. 153). Но непонятно, в чем здесь отличие от католической церкви, где полнота власти принадлежит римскому папе.

Чрезмерная эмоциональность видимо оказала влияние и на стиль, и на язык работы. Иначе непонятно было бы, чем объяснить, что автор именует богослужения богородичников красочным шоу со сложной драматургией и сценографией, их молитвы называет фарсом (с. 135). Если люди заблуждаются, а большинство из них заблуждается искренне и пребывают в прелести, то отсюда еще не следует, что все их религиозное действо и молитвы являются фарсом. Насколько мне известно, сектанты и некоторые светские люди именно таким образом высказываются и о православной литургии. В другом месте, правильно указывая на наличие в «боге», которому они поклоняются, двух начал, и отмечая несомненное проявление религиозного эротизма в учении богородичников, диссертант как бы сам попадает под влияние их языка и пишет, что важной особенностью «мариамского бога» является «бисексуальность» (с. 68), хотя на научном языке это явление имеет свое наименование. Кроме того, автор подчас использует выражения с трудноопределяемым смыслом, например, «индивидуализм „частной“ виртуальной реальности» (с. 134).

Нередко суждения автора довольно запутаны. На с. 58 он говорит о синкретизме вероучения БЦ и отмечает, что характерной чертой синкретизма является вотеризм, но тут же заявляет, что любому богородичнику доступна вся литература БЦ.

Не очень научны отдельные комментарии. В сноске 1 на с. 58 автор отмечает, что учение о двуедином (добром-злом) боге имеет непосредственное отношение к психоанализу Юнга. Но Юнг, судя по той литературе, на которую ссылается диссертант, сам пребывал в плену герметических идей. Поэтому правильнее было бы отметить, что эта доктрина восходит к герметической литературе.

Автор не упоминает в своей работе о социологических исследованиях светских ученых, что было бы уместно, учитывая его стремление показать деструктивный характер деятельности богородичников.

К сожалению, подобных неточностей довольно много, что не является достоинством работы. Есть в работе и технические ошибки в сносках к творениям преподобного Макария Египетского (см. сн. 4, с. 142, вместо 6:33 следует указать 6:3).

Высказанные замечания не снижают общей положительной оценки диссертации, а ее автор заслуживает присвоения ему степени кандидата богословия.

5.2. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ПАНТЕЛЕИМОНА (Бердникова) на кандидатскую диссертацию студента IV курса Академии диакона Илии КОКИНА по кафедре Сектоведения на тему: «Богородичный центр: история, вероучение, религиозная жизнь»

В настоящее время в России существует более 700 тоталитарных сект, разнородных по своей природе, но ставящих своей основной задачей разрушение истинных ценностей Православия, стирание с исторической памяти таких понятий, как любовь к родине, любовь к матери и т. п. И одним из таких учений, оказывающих разрушительное воздействие на духовное пространство России, является секта Богородичный центр.

Представленная на рассмотрение диссертация Илии Кокина является попыткой всестороннего освящения истории и практи-

ки этой деструктивной секты. Хотя за последние годы деятельность секты претерпела определенную трансформацию в сторону смягчения ее нетерпимости и скандального характера, однако она представляет еще значительную опасность для духовного здоровья наших соотечественников. Этим определяется актуальность выбранной автором темы. Отец Илья обозначает эту секту как антисистему, характерное явление нью-эйджевского движения, которое подобно многоглавой гидре, постоянно порождает все новые формы псевдорелигиозности и синкретизм.

Диссертация представляет собой труд объемом 200 страниц компьютерного текста и в плане построения состоит из вступления, трех основных частей и заключения. Первая часть работы посвящена биографии и психологической характеристике основателя секты БЦ и ее истории.

Во второй части диссертации автор в систематическом порядке излагает доктринальные положения секты, прослеживает трансформацию сектантских воззрений. Надо отдать должное соискателю, видимо, ему стоило большого труда распутать клубок внутренне противоречивых утверждений «богородичников». Он не пошел по пути упрощенного изложения, путем отбрасывания «лишних» противоречий, но попытался проанализировать все нюансы и детали их догматической системы.

Третья часть работы раскрывает литургическую жизнь «богородичников», их нравственные ценности и аскетическую практику.

Автор проработал значительное количество богословской, исторической, религиозно-философской и религиоведческой литературы. В конце работы приведен обширный библиографический список — 258 названий, причем 78 из них — книги духовных руководителей БЦ.

Диссертация снабжена иллюстративным материалом и приложениями, где претендент пытается в историческом ракурсе выявить идеологические корни «богородичников», показывает, что является для них вероучительным авторитетом, а также приво-

дит ряд документов и заключения специалистов о разрушительном воздействии на психическое здоровье людей, вовлеченных в секту, и общественно-опасном характере ее деятельности.

Несомненное достоинство этой работы в том, что автору удалось в свете Православия дать оценку Богородичному центру и доказать ложную сущность этого учения, противостоящего подлинному христианству и ведущему не к спасению, а к гибели души человека.

Диссертация написана хорошим литературным языком, удачна в плане построения, отличается полнотой изученного материала, строго научным подходом в решении поставленных вопросов, демонстрирует блестящую эрудицию и творческую одаренность автора.

Недостатков в работе немного.

1. Во вступлении, которое заменило традиционное для кандидатских диссертаций введение, отсутствует обоснование актуальности выбранной темы, не отмечены цели, задачи и общие принципы методологии исследования.

2. Иногда соискатель критикует такие положения секты БЦ, которые аналогичны православным воззрениям. Видение своих грехов и сознание своего ничтожества является необходимой принадлежностью аскетического делания православных подвижников, другое дело — в какой форме практикуется это сектантами и какие плоды приносит (см. с. 169, 171, 172).

3. Порою автор в увлечении поиском идеологических и исторических корней того или иного религиозного феномена пытается установить причинно-следственные корреляции между явлениями, никоим образом между собою не связанными. Естественно, это приводит к определенным натяжкам и неточностям. Так, например, на с. 220 концепции Святой Руси и «Москва — Третий Рим» отец диакон рассматривает как трансформацию почитания славянами Матери Земли. Налицо некритический подход к работам светских исследователей. Универсальный для подавляющего большинства языческих народов культ Матери Земли, ни-

где, однако, больше не привел к возникновению подобных представлений (нигде мы не встречаем названий, например, Святая Германия, Святая Британия или Святая Индия). Святая Русь — плод синтеза православного мирозерцания, национальной идеи и русского характера.

4. На с. 78, кратко излагая православное учение о спасении, отец Илья пишет, что «Бог в Лице Своего Единородного Сына соединился с больной грехом человеческой природой и через Крестную смерть и Воскресение... уничтожил в Своей индивидуальной человеческой природе остатки греха». Это высказывание является не выражением церковного учения, а всего лишь частным богословским мнением. Утверждения о непричастности к первородному греху человеческой природы Христа Спасителя содержится во всех известных изложениях и курсах Православного догматического богословия, в том числе и современных нам авторов, сочинения которых невозможно уличить в «схоластическом влиянии». Этот взгляд является одним из фундаментальных положений православной догматики. В работе «Догмат и история», которую соискатель цитирует в своей диссертации, прот. Георгий Флоровский делает акцент именно на этом положении: «Нужно подчеркнуть: в Воплощении Словом воспринята первозданная человеческая природа, свободная от первородного греха, кроме греха... этим не нарушается полнота природы, не нарушается „единосущие“ Спасителя по человечеству с нами, грешными людьми. Ибо грех не принадлежит человеческой природе, есть на ней некий паразитарный и противоестественный нарост — это с большой силой было показано свт. Григорием Нисским и особенно прп. Максимом Исповедником...» (с. 183—184). Можно говорить о *consensus patrum* по этому вопросу, достаточно привести высказывания святых отцов, живших в разные периоды христианской истории и в разных областях христианской ойкумены. Свт. Григорий Богослов (IV век): «Христос воспринял на Себя мою душу и все мои члены, воспринял того Адама, первоначально свободного, который не облек

ся еще грехом, пока не узнал змея и не вкусил плода и смерти». Прп. Ефрем Сирий: «Поскольку тело Адама создано было ранее, чем явились в нем расстройства, посему и Христос не принял расстройства, которые позднее получил Адам, так как они были некоторым придатком немощности к здоровой природе. Итак, Господь здоровую принял ту природу, здравость которой погибла, дабы человек через здоровую природу Господа возвратил себе здравость первобытной своей природы». Прп. Максим Исповедник (VII век): «Христос воспринимает первозданную, еще непорочную человеческую природу, как она была сотворена Богом искони, как имеет ее Адам до падения и этим... обновляет ветхость естества». Прп. Симеон Новый Богослов (XI век): «Господь наш Иисус Христос Сын Божий... благоволил воспринять человеческое естество здоровое. И вот, когда кто верою прилепляется ко Христу, тогда Христос сочетается с ним и Божеством и здоровым человечеством, и через такое соединение восстанавливает в нем первоначальное истинное здравие». Свт. Григорий Палама (XIV век), «столп православной веры», пишет о Христе, что «если бы Он был участником ветхой чеканки и наследником онаго прародительского греха, Он не смог бы носить в Себе полноту чистого Божества и сделать Свою плоть неиссякаемым источником освящения». Свт. Лев Великий (Запад, V век) в своем послании архиепископу Флавиану, которое было положено в основу Халкидонского ороса: «Истинный Бог родился в подлинном и совершенном естестве истинного человека: всецел в Своем, всецел в нашем. Нашим же называем то, что Творец положил в нас вначале и что Он восхотел возвратить нам. Ибо в Спасителе не было и следа того, что привнес в человека искушитель и что прельщенный человек допустил в себя». Отец диакон недоумевает, зачем понадобилось распятие, если Христос избавил человеческую природу от первородного греха «еще до распятия на кресте» (стр. 80)? Недоумевает и прп. Марк Подвижник, полемизируя с последователями Феодора Мопсуэстийского и Нестория, каким образом поврежденная плоть Христа могла послу-

жить спасению человеческого рода: «Мир умер Адамовым преступлением. Если же плоть Господа... от одного Адама и подпала греху, как же она могла быть отдаваема за жизнь мира, когда и сама нуждалась, по твоему мнению, в искуплении... Если, как ты говоришь, плоть (Христа) была простой, нуждающейся в очищении, то откуда тогда нам спасение?» Можно порекомендовать автору диссертации глубже ознакомиться с творениями святых отцов по этому вопросу, хотя бы в такой же степени, в какой он ориентируется в светской литературе.

5. В начале с. 86 пропущено несколько строк, что затрудняет понимание смысла.

В целом работа диакона Ильи Кокина отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Следует также отметить выраженную апологетическую направленность и практическую значимость работы. Диссертацию предлагается оценить на «пять с минусом», а ее автора признать заслуживающим искомой степени кандидата богословия.

6.1. ОТЗЫВ доцента протоиерея Валентина АСМУСА на кандидатскую диссертацию студента IV курса экстерната Академии Николая ДАНИЛЕВИЧА по кафедре Византологии на тему: «История Православия в Южной Италии (VIII—XI вв.)»

Можно задаться вопросом об адекватности названия работы ее содержанию: речь в ней идет о греческом наследии края, который еще в VIII веке до Р. Х. был колонизирован греками и получил в античности имя Великой Греции. Территория Южной Италии долгое время принадлежала Византии. После норманнского завоевания греческое население было обречено на окатоличивание и ассимиляцию, хотя несколько веков еще сохранялся византийский обряд, а греческий язык в некоторых деревнях дожил до нашего времени. Изучение церковной истории Южной Италии важно прежде всего потому, что по этой земле долго проходи-

ла граница восточного и западного христианства, и даже раскол 1054 года имел непосредственной причиной борьбу двух «юрисдикций» в Южной Италии.

Работа написана на основании хорошего знания новейших иноязычных исследований, а также самостоятельного изучения источников. В диссертации содержится много новой информации: в ее свете иногда ниспровергаются устоявшиеся представления. Автор убедительно показывает, как на протяжении веков история Южной Италии искажалась католической пропагандой, которая противопоставляла «еретическую» Византию «папской» Южной Италии. Так, оказывается мифом ставшее «общим местом» утверждение, что иконоборчество не имело места на этой земле. Поскольку Византия сохраняла там свою власть, официальные назначения, в том числе епископские, были невозможны без обязательств и присяг в том, что назначаемые будут следовать константинопольской политике, хотя местное население, так же как и население Балканской Греции, было за иконопочитание, и зачастую сами официальные проводники иконоборчества в душе были иконопочитателями.

Однако перейдем к обзору работы по порядку. Диссертация имеет большой объем (232 страницы) и состоит из 13 глав, почти каждая из которых делится на несколько параграфов. Во введении автор кратко и четко определяет задачу своей работы. Глава I — «Между историей и пропагандой» — вводная. Здесь говорится о степени достоверности источников истории региона и проблемах изучения церковной истории Южной Италии.

Глава II — «Исторический путь Южной Италии с древнейших времен до VIII века» — повествует об истории христианства в этой грекоязычной области как под властью Римско-Византийской империи, так и при различных завоевателях — вандалах, готах, а также франках, которые тоже пытались завоевать Южную Италию, а самое главное, катастрофически повлияли на историю Церкви, на отношения западного и восточного христианства. Автор на протяжении работы неоднократно упоминает,

не солидаризируясь с ней полностью, интересную концепцию покойного греческого богослова И. Романиди, который утверждал, с известным преувеличением, интегральное духовно-культурно-племенное единство греко-римского мира до появления франков и резко дистанцировал, также несколько впадая в преувеличение, франко-латинство и старую православную Romanitas.

Глава III — «История Византийских фем в Южной Италии от падения Равеннского экзархата до начала царствования императора Василия I (754—876)» — рассказывает как о светской истории края, о создании в нем военных округов — фем и дукатов, так и церковной его истории времени споров о святых иконах. Особый интерес представляет активнейшее участие южноиталийских епископов в VII Вселенском соборе.

Глава IV — «Сарацины в Сицилии» — посвящена мрачному периоду мусульманского завоевания. Сарацины, уничтожившие местное население тысячами во время ведения войны, по завоевании относились достаточно терпимо к христианству; приходы, монастыри, епархии продолжали существовать и под их властью.

Глава V — «Положение Южной Италии в период от императора Василия I до учреждения Италийского катепаната (876—970)» — рассматривает, с одной стороны, военную историю края, с другой — участие церковных иерархов края в событиях патриаршества святителя Фотия.

Глава VI — «Византийские фемы в Южной Италии от учреждения катепаната до прихода норманнов (970—1071)» — кратко описывает военную историю указанного столетия.

А вот глава VII — «Митрополии и епархии Южной Италии» — дает, благодаря хорошей документированности церковной истории, точные сведения о иерархическом устройении этой части Константинопольского патриархата.

Большая глава VIII — «Духовная жизнь» — рассказывает о монашестве, в том числе дает сведения о преподобных отцах Южной Италии и о связях южноиталийского монашества с восточным.

Самая большая глава в диссертации (IX) — «Норманны» (с. 98—150) — рассказывает о тех судьбоносных событиях, которые предопределили конец византийской Италии, о захвате Южной Италии франко-норманнами и насильственном подчинении греческих епархий папе. Нетерпимое отношение к греческой Церкви, объясняемое сопротивлением православных окатоличиванию, сменилось, после разгрома Православия в регионе, толерантностью и даже покровительством греческим монастырям, формально подчинившимся папе.

Глава X — «Святые Южной Италии» — дает сведения о многих святых, за исключением тех выдающихся устроителей и настоятелей монастырей, о которых уже было сказано в главе VIII.

Глава XI — «Богослужение». Автор обратил преимущественное внимание на эволюцию Типикона в Южной Италии. Показав влияние гимнографов южно-италийского происхождения на богослужение Вселенской Церкви, он, к сожалению, только упомянул о существовании богатейшей местной гимнографической традиции, которая создала и сохранила огромное количество оригинальных служб тем праздникам и святым, которые почитались и в Константинополе. Впрочем, это могло бы стать темой особого исследования.

Глава XII — «Церковная письменность в Южной Италии». История греческой письменности в Южной Италии естественно распадается на два периода — до и после норманнского завоевания. Особый раздел главы посвящен связям региона со славянским миром.

Последняя, XIII глава — «Церковное искусство в Южной Италии». Архитектура и иконография греческой Византии — часть византийского искусства со своими местными особенностями и, конечно, с признаками латинского влияния в некоторых памятниках.

Следует краткое заключение с выводами. Сочинение, посвященное трагической главе истории Православия, завершается мажорной нотой: население Южной Италии помнит о своих кор-

нях и в регионе хорошие перспективы для возвращения в Православие.

Завершает работу обширная библиография и приложения: хронологические таблицы государей, иерархов и правителей, географические карты и очень интересные иллюстрации — в основном, архитектура и иконография.

Работа не имеет больших недостатков. Являясь произведением способного и весьма трудолюбивого автора, она, по нашему мнению, заслуживает высшей оценки, а Н. Данилевич — искомой степени.

6.2. ОТЗЫВ профессора Б. А. НЕЛЮБОВА на кандидатскую диссертацию студента IV-го курса экстерната Академии Николая ДАНИЛЕВИЧА по кафедре Византологии на тему: «История Православия в Южной Италии в VIII—XI вв.»

Сама тема и ее раскрытие в работе представляют большой интерес и даже известный вклад в историческую науку, поскольку дается новый нетрадиционный подход и оценка исторических событий, имевших место в Южной Италии, — что имеет весьма важное значение для церковной истории вообще и Византологии в частности.

И по объему в 232 страницы, и по содержанию, которое полностью отвечает заданной теме, по огромному списку использованной отечественной и зарубежной литературы (96 наименований) и по научному, с соответствующими выводами анализу можно судить о положительных достоинствах работы и ее автора, добросовестно потрудившегося в области церковно-исторической науки.

Излагая в исторической последовательности события дохристианской и христианской эпохи в данном регионе, автор вместе с тем открывает то внутреннее органическое единство, которое искони существовало у ромеев запада и востока — единство и по-

литическое, и религиозное, и языковое, которое в конце концов, к сожалению, было утрачено в XI столетии, после Мельфийского собора 1059 года. И иллюстрации с изображением святых и архитектурных ансамблей храмов и монастырей Южной Италии также являются подтверждением органической близости этого региона к Константинополю — это красной нитью проходит через все сочинение Н. Данилевича. Сюда можно отнести и монашество, и церковную жизнь, и богослужение.

Каждая глава содержит четкие обоснованные выводы, дающие возможности не потерять из виду эту тематическую направленность сочинения.

На фоне богато аргументированного, грамотно и четко изложенного материала некоторые стилистические погрешности простительны. Тем не менее, следует их отметить. В частности, автор почему-то игнорировал Иконоборческий собор 754 года. Ведь если, по словам автора (с. 49), участие на VII Вселенском соборе южно-итальянских епископов объясняется их юрисдикционной зависимостью от Константинополя и желанием патриарха Тарасия за счет итальянских епархий шире представить сторонников иконопочитания, то тем более следовало бы упомянуть о разбойничьем соборе, который тоже был в VIII веке, и на котором восточные епископы сотнями переходили в лагерь иконоборцев. Может быть, это и было причиной, по которой патриарх Тарасий обратился на запад?

В приложении список римских пап почему-то начинается с Григория III (731—341). Но ведь до него в VIII веке было еще пять пап начиная с Иоанна VI (705—707) и кончая Константином I (708—715). Здесь же пропуски имен, несовпадения, отсутствие указания источника, из которого автор взял сведения.

Но, в целом, работа заслуживает одобрения.

7.1. ОТЗЫВ доцента В. М. КИРИЛЛИНА на кандидатскую диссертацию студента IV курса Академии экстерната

Михаила ПЕРВУШИНА по кафедре Древнерусской литературы на тему: «Литературное предание о преподобном Евфросине Псковском в Московской Руси XV—XVII веков: церковно-исторический и культурологический комментарий»

Рецензируемое сочинение посвящено забытому современной медиевистикой памятнику древнерусской литературы — «Житию преподобного Евфросина Псковского». Судьбу этого произведения автор прослеживает, опираясь на достижения историко-филологической и церковно-исторической науки и используя весьма основательный и разнообразный круг источников. Это рукописи древнерусской книжной традиции, хранящиеся в отечественных архивах, церковные издания старой печати и научные труды отечественных ученых. Тем самым М. Первушин демонстрирует похвальную исследовательскую осведомленность, добросовестность и педантичность. Связанные с историей означенного литературного текста вопросы он решает в контексте истории монашеской жизни на Руси в XV—XVI вв., истории богословско-обрядовых споров о сугубой «аллилуйе», имевших место на Руси в XV—XVII вв. и, наконец, истории собственного подвижничества преподобного Евфросина. Это позволило ему быть убедительным в своих историко-литературных наблюдениях и выводах. Но главное, предоставило основательный материал для осмысления духовного облика названного подвижника. Таким образом, рецензируемая работа является добротным и полезным вкладом не только в историко-филологическую науку, но и в такой пока слабо развитый раздел отечественной религиозно-философской мысли, как агиология.

В пяти главах своего сочинения М. Первушин решает ряд важных историко-литературных и церковно-исторических вопросов, проявляя при этом очевидную самостоятельность мысли. Последнее обнаруживается, например, по его неподобострастному и критическому отношению к некоторым мнениям признанных научных авторитетов — таких, как В. О. Ключевский, Е. Е. Голу-

бинский, Н. И. Серебрянский и др. К несомненным успехам исследования надлежит отнести следующее:

1. Предложенную датировку первой редакции сказания о преподобном Евфросине или «Жития», которая сохранилась в списке 20-х—начала 30-х гг. XVI в. Диссертант убедительно доказывает, что она была составлена между 1493 и 1504 гг. Основанием для этого ему служит, во-первых, полемика с известными научными взглядами, а во-вторых, критика означенного первоначального текста. Кроме того, он выдвигает предположение относительно возможно более раннего возникновения «Жития» — 1492 г., правда, к сожалению, не находя четко проговоренных аргументов в его пользу.

2. В пояснение изначальной цели, которую преследовал составитель первой редакции «Жития», М. Первущин убедительно показывает, что она появилась на свет как итог инициированной святителем Геннадием, архиепископом Новгородским, работы по исследованию сути затянувшегося в Псковской земле спора о двоении или троении возгласа «аллилуйя». Личность преподобного Евфросина не являлась при этом важнейшим предметом внимания составителя данного текста.

3. Анализ давно переставшей интересовать науку истории псковских споров о сугубой «аллилуйе». Диссертант определяет время их обострения при преподобном Евфросине в конце 50-х гг. XV в., а также действительное отношение святого к практике двоения или троения «аллилуйи»: для него и то и другое вовсе не имело догматического значения и было равно допустимо. Сугубую же «аллилуйю» он предпочитал лишь как старинную греко-византийскую традицию, которую лично усвоил будучи в Константинополе. В связи с фактом возникшего на Руси в XV в. различия в практике славления Господа автору настоящей работы, может быть, следовало бы подумать о возможной ее связи с осуществлявшейся тогда заменой Студийского устава богослужения на Иерусалимский.

4. Анализ поэтико-стилистических особенностей первоначаль-

ной редакции «Жития». М. Первушин делает ряд интересных наблюдений, касающихся литературной манеры ее составителя и справедливо связывает последнюю с традицией «плетения словес». Однако эти наблюдения можно было бы значительно усилить посредством специального сравнения данного текста с произведениями Епифания Премудрого. Надо признать с сожалением, что в этом разделе исследования диссертанту явно не хватило филологического образования и эрудиции. В частности, ему могли бы очень помочь не использованные им труды А. Кадлубовского (Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902) и В. Яблонского (Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908), в которых очень большое внимание уделено анализу именно художественных особенностей агиографических сочинений. Впрочем, в этом, прежде всего, моя вина как руководителя: не подсказал. Да и вообще филологическая начитанность — дело наживное.

5. Анализ обстоятельств, в которых была задумана и составлена вторая версия жизнеописания Евфросина — собственно «Житие», или редакция пресвитера Василия. М. Первушин убедительно вскрывает связь этой работы с историей общерусского прославления Евфросина в лике святых и с обобщающими литературными предприятиями святителя Макария, митрополита Московского, что дает ему основание считать временем возникновения редакции пресвитера Василия 50-е гг. XVI в.

Интересны разделы диссертации, посвященные почитанию Евфросина в XVII в., а также истории исключения его имени из списка общерусских святых. Ценным разделом работы является агиологическая глава, в которой личность преподобного Евфросина рассматривается в контексте истории русской святости. Замечательно, что при осмыслении духовного облика этого подвижника М. Первушин использует не только его жизнеописание, но и собственные его сочинения — «Устав» и «Духовное завещание». Однако этот раздел мог бы быть обогащен обращением к тексту «Службы» святому, написанной в XVI в.

В целом наблюдения М. Первушина отличаются точностью, а выводы — взвешенной и аргументированной мотивацией. Несомненна его способность к научно-исследовательской деятельности, безусловно, им написан интересный и перспективный труд, его можно дорабатывать, углублять, расширять, но и в настоящем своем виде он вполне состоялся.

Итак, рецензируемая диссертация, бесспорно, заслуживает самой высокой, то есть отличной, оценки, а Михаил Первушин, конечно же, — степени кандидата богословия.

7.2. ОТЗЫВ преподавателя Г. Е. КОЛЫВАНОВА на кандидатскую диссертацию студента IV курса экстерната Академии Михаила ПЕРВУШИНА по кафедре Древнерусской литературы на тему: «Литературное предание о преподобном Евфросине Псковском в Московской Руси XV—XVII веков: церковно-исторический и культурологический комментарий»

Представленная М. Первушиным на соискание ученой степени кандидата богословия диссертация представляет попытку реконструкции жизненного пути русского подвижника XV века преподобного Евфросина Псковского. Автор поставил целью своего исследования освобождение жития этого святого от неудачных, противоречащих историческим фактам домыслов позднейших редакторов. Особую важность эта реконструкция имеет в связи с тем, что имя преподобного Евфросина часто фигурирует в полемике между приверженцами законной Православной Церкви со старообрядцами.

Данная работа, по мысли автора, — «это попытка восстановить историческую справедливость, показать жизнь и труды преподобного в их истинном свете, оценить его вклад в развитие иноческой жизни Святой Руси и историю нашего Отечества в целом» (с. 5). Исследование построено на основании изучения ли-

тературных памятников XV—XVII веков с привлечением научной литературы двух последних столетий.

С поставленной задачей автор справился весьма успешно. Поэтому его работа, на наш взгляд, заслуживает отличной оценки.

К недостаткам представленной работы можно отнести ошибки при оформлении ссылок на использованную литературу, стилистические погрешности и некоторые досадные опечатки.

Неудачным нам представляется допущенное на с. 116 выражение «официальная Церковь».

Автор диссертации заслуживает степени кандидата богословия.

8.1. ОТЗЫВ доцента А. К. СВЕТОЗАРСКОГО на кандидатскую диссертацию диакона Александра КРАЛИ по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в должности ректора Духовных академий»

Автор рассматриваемой работы обращается к личности выдающегося иерарха Русской Церкви, богослова, церковного администратора и педагога митрополита Антония (Храповицкого, 1863—1936) и дает оценку его деятельности на посту ректора Московской (1890—1895) и Казанской (1895—1900) духовных академий.

Митрополит Антоний (Храповицкий) — один из самых ярких представителей русской церковной иерархии рубежа XIX—XX веков, оказавший большое влияние на развитие отечественной церковно-общественной мысли, поборник восстановления патриаршества, богослов, чье наследие продолжает оцениваться неоднозначно. Он же — церковно-политический деятель, влиявший на церковную жизнь русского Зарубежья.

До настоящего времени в церковной историографии сколь-нибудь подробная и объективная биография этого выдающегося

церковного деятеля отсутствует, если, конечно, не считать панегирического, написанного почти в агиографическом жанре, труда архиепископа Никона (Рклицкого). По указанной причине следует приветствовать появление кандидатской работы, исследующей достаточно короткий в хронологическом отношении, но очень значимый с содержательной точки зрения период в жизни будущего митрополита. Отрадно, что автор работы без робости вступил на своеобразную terra incognita и предпринял попытку осветить этот период с различных точек зрения.

Работа базируется на архивных и опубликованных источниках. Автор показал умение работать с источниками, анализировать и сопоставлять исторические материалы. В приложении к работе им помещены ранее не публиковавшиеся материалы, представляющие определенный исследовательский интерес.

Некоторая комплиментарность (если не сказать более), которая ощущается в отношении автора к герою исследования, вполне объяснима: он несколько увлекся сильной и яркой личностью и часто выступает в качества апологета.

В некоторых местах работы допущены бездоказательные утверждения, применена слабая аргументация.

Так, на с. 44 автор пишет о том, «что кафедры Пастырского богословия и Литургики в Академии занимали люди не в священном сане». Здесь следовало бы указать конкретные фамилии.

На с. 51 автор приводит выдержку из дневника профессора Беляева, где последний объясняет некоторые черты характера и моменты поведения архимандрита Антония. И далее пишет: «Точно так же к этому относились все профессора». Но при этом не приводит каких-либо других свидетельств.

На с. 53 (2 абз.) требуется ссылка на источник. Возможно, автору следовало бы обратить большее внимание на письмо архимандрита Антония митрополиту Киевскому Флавиану (Городецкому), но он лишь ссылается на этот документ (с. 55).

На с. 184 автор, полемизируя с мнением, высказанным прото-

пресвитером Георгием Шавельским, пишет о том, что последний, указывая на случаи неудачных постригов, совершенных архимандритом Антонием, «не упоминает о тех многих священномучениках и исповедниках, которые кровью засвидетельствовали свою веру...»

Здесь, конечно, следовало бы назвать несколько имен, тем более, что автор несомненно осведомлен в данном вопросе. Свидетельство тому — перечень постриженников митрополита Антония, данный в приложении к настоящей работе.

Работа оформлена образцово.

В целом работу диакона Александра Крали можно оценить положительно. Ее автора можно считать достойным присвоения искомой степени.

8.2. ОТЗЫВ *доцента В. Д. ЮДИНА на кандидатскую диссертацию студента IV курса Академии диакона Александра КРАЛИ по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в должности ректора Духовных академий»*

Прочитав представленный труд, умный и просвещенный, тем не менее, нам хотелось бы соискателю напомнить «Воспоминания» архимандрита Киприана (Керна) о его бывшем кумире митрополите Антонии, где мемуарист предупредительно роняет выстраданные им слова: «Нельзя ведь забывать всей заслуги митрополита Антония перед русской духовной школой, не забывая, конечно, и весь вред, нанесенный в известную минуту истории нашей школы. Не надо быть его панегиристом»².

Диссертант все свои знания и пыл направил на прославление митрополита, некритично следуя за идеализацией его священником Анатолием Просвирниным, «...как ученого ректора — от-

² Киприан (Керн), архим. Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре), М., 2002. С. 21.

ца, одновременно научного наставника, педагога и исследователя, а равно и духовного окормителя, вождя и старца студенчества».

А на нашу долю выпала вторая часть завета архимандрита Киприана: «Не надо быть его панегиристом», поскольку об ущербе педагогического воздействия его на академическую молодежь соискатель говорит извинительно, всячески выгораживая митрополита в моральных падениях его и в немалом числе пресловутых, печально известных постриженников.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) отмечал, что на совести известного «фанатика монашества» немало искалеченных душ. Соискатель же из 49 постриженников митрополита Антония готов признать только одну «исковерканную душу» — иеромонаха Иоанна (Рахманова), превратившегося со временем в «босяка-воришку».

Относительно троих недостойных епископов, впоследствии лишенных сана и монашества и даже вступивших в брак (Владимира Путяты, Зосимы Сидоровского и Никона Бессонова), автор устанавливает какой-то срок давности: они, дескать, нарушили обет девства уже после революции (с. 83), что, впрочем, если и принять во внимание столь серьезный резон, не совсем верно. К примеру, Микола Бессонов, как он стал называться после отказа от епископства и иночества, еще в бытность епископом Кременецким (до февраля 1917 г.) за подозрение в связи с воспитанницей местного Епархиального училища был сослан в Сибирь, на Енисейскую кафедру, куда, словно жена декабриста, последовала за владыкой и его избранница.

Наибольшую ошибку, наверно, и, следовательно, максимальный вред митрополит допустил постригом в 1900 г. бывшего гвардейского офицера, потомка известного тысяцкого из свиты Святого Крестителя Руси³, бывшего затем архиепископом

³ См.: Мануил (Лемешевский), архим. Каталог русских архиереев за последние 60 лет. Ч. II. Чебоксары, 1959. С 166. (Машинопись).

Пензенским Владимира (Путятты), который не оправдал своего славного рода.

Через 2 года попавший за границу (в Рим и Париж) бывший великосветский «лихой танцор и ухажер»⁴, а ныне галантный архимандрит, свободно объяснявшийся на всех европейских языках, стал вести великосветский образ жизни. За «соблазнительное поведение»⁵, по ходатайству русского посла и даже Пия X, он был отозван, но... в 1907 г. добился хиротонии во епископа Кронштадтского — IV-го викария Санкт-Петербургской епархии, управлявшего всеми заграничными приходами Русской Церкви, с местом пребывания в Риме. А к концу 1909 года он выслужился до II-го викария. По смерти в 1911 году протопресвитера военного и морского духовенства Евгения Аквилонова он упорно домогался занять, войдя в доверие к императрице Марии Феодоровне, освободившееся место. Митрополит Мануил (Лемешевский) пишет: «В духовных сферах с его близостью к царю считались и опасались его»⁶. Ведь они в прошлом служили вместе в Лейб-гвардии Преображенском полку, и Путятта «бывал у наследника как близкий человек и этим потом кичился»⁷.

За то же светское несоответствующее высоте священного сана поведение Синод перемещал его с кафедры на кафедру и, наконец, он водворился в Пензенской и Саранской епархии, уволенный с Донской и Новочеркасской кафедры по жалобе Наказного атамана войска Донского⁸. Последней епархией «салонный архиерей» управлял самочинно, не подчиняясь Синоду, за что, а больше за распущенный образ жизни был судим 50 епископами Поместного Собора 1917—1918 гг. и лишен сана⁹.

⁴ Там же. С. 166.

⁵ Там же. С. 168.

⁶ Там же. С. 167

⁷ Там же.

⁸ См. там же С 170.

⁹ *Иванов Н. П.* История Путятинского брожения в городе Пензе в период 1915—1922 гг. М., 1956. (Машинопись).

В 1892 г. митрополитом Антонием был пострижен в МДА явно душевнобольной, вследствие неудачи пострижения вернувшийся с Афона, где был послушником 5 лет, неизвестный Серапион Машкин. Покровительствуемый митрополитом, он дослужился до архимандрита Знаменского монастыря и нередко срывался, впадая в сильные запои. Во время очередного приступа хронического недуга он не мог даже встретить Государя и был уволен в 1900 году на покой.

Не прибавляет славы «Великому Авве» в когорте его постриженников целый полк преосвященных, будущих церковных раскольников и сепаратистов. Это такие раскольники, как обновленческий митрополит Евдоким (Мещерский), старообрядческие епископы Андрей (Ухтомский) и Михаил (Семенов); сепаратисты: митрополит Варшавский Дионисий (Валединский), митрополит Минский Пантелеимон (Рожновский), архиепископ Подольский Пимен (Пегов), католикос-патриарх Грузии Амвросий (Хелая), архиепископ Батумский Давид (Качахидзе) и др.

Митрополит Сергей (Ляпидевский) предупреждал уже тогда в 90-гг. молодого ректора МДА: «Вы распложаете монахов, но из них есть такие, о которых говорят дурное» (с. 87 работы). Может быть, прав протопресвитер Шавельский, упрекавший Антония за то, что он в монашестве видел таинство, творящее чудеса, самое немощное — врачующее и оскудевающее сверх всякой меры — восполняющее»¹⁰.

К. П. Победоносцев с ужасом смотрел на чрезмерное умножение ученого монашества и не раз повторял: «Ох, уж эти монахи! Погубят они Церкви!» Вместе с нетребовательностью к кандидатам в монашество Антоний проявлял, по словам профессора Казанской духовной академии К. Харламповича, «необъятную снисходительность и доброжелательство» к академическим занятиям студентов: «Он принял в Академию и выпустил много лиц, недостойных звания кандидата богословия, равно как и низ-

¹⁰ Шавельский. Воспоминания. М. Т. II. С. 161.

вел с должной высоты звания магистров, докторов и почетных членов Академии, т. е. для чего-то принизил самую богословскую науку и подорвал ученый престиж Академии, ослабив в ней самые ученые запросы... Дисциплина ослабела... Студенты... стали по призыву его заниматься церковно-общественной деятельностью, иногда в явный ущерб академическим обязанностям, значение которых тем самым подрывалось»¹¹. Казанский профессор высказывал и недовольство авторитарным стилем управления Духовной школой, а также тем, что ректор мало считался даже с малыми правами Академической корпорации, навязывая «ей свою волю и свою идею силою начальнического авторитета, особенно красноречия и, чаще всего, быстротою в исполнении своих планов и намерений»¹².

О каком педагогическом такте ректора можно говорить, если вспомнить, что говорил о сем другой очевидец, митрополит Евлогий, выпускник МДА 1892 г.: «Он чистил самыми грубыми эпитетами профессоров; молодежью считалось это смелой независимостью в суждениях. Хлесткие, неразборчивые словечки передавались из уст в уста, и студенты привыкали бесцеремонно отзываться о профессорах. Об этом знали сами профессора и, конечно, очень недолюбливали своего несдержанного на язык молодого ректора и, в свою очередь, жестоко его критиковали»¹³.

В. В. Зеньковский, встречавшийся с митрополитом Киевским в 1918, когда он был министром исповеданий на Украине в правительстве гетмана Скоропадского, делился своими впечатлениями от общения с ним: «...он невыносимо циничен в своих речах, ни о ком не скажет доброго слова, часто груб, неприличен в суждениях, бестактен и невыносим в своих беседах»¹⁴. А архимандрит

¹¹ Харлампович К. // Богословская энциклопедия. СПб., 1907. Т. VIII. Ст. 810, 830.

¹² Там же. Ст. 810

¹³ Евлогий, митр. Воспоминания. М., 1999. С. 43.

¹⁴ Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти. М., 1995. С. 213.

Киприан (Керн) добавляет: «С острословием связано и его вошедшее в предание о нем сквернословие...»¹⁵.

Примечательно то, что диссертанту известны негативные черты личности митрополита Антония, но он не дает им никакой оценки, что свидетельствует об односторонности, искаженности представленного им образа.

Историк И. К. Смолич выносит строгий приговор педагогической деятельности «вождя и старца студенчества»: «При более внимательном рассмотрении оказывается, что волна пострижений не принесла возрождения ученого монашества, а всего лишь численно пополнила его. Для развития духовного образования и богословия это мало что значило. Среди принявших монашество в 80—90 гг. можно выделить только одного значительного богослова — Сергия (Страгородского). Антоний (Храповицкий) многих мог воодушевить, но воспитать поколение монахов со здоровыми аскетическими взглядами он не сумел (курсив наш — Ю. В. Д.). Его безудержная молодость и его характер совершенно не подходили для роли воспитателя студенчества»¹⁶. А нам представляется, что вся совокупность его педагогических приемов — снисходительность и подыгрывание молодежи — вольно или невольно выливались в популизм и вождизм. По словам самого Антония: «родственники предсказывали во мне фанатика и инквизитора» (с. 248 работы). Смолич зорко разглядел в нем планы клерикала: «Антоний считал, что монашество не должно посвящать себя созерцательной жизни, а призвано активно и действенно влиять на церковно-политическую жизнь России. Он был приверженцем самовластия епископата, возглавить который должен могущественный патриарх. Недаром любимым его героем был Никон. В единодушии царя и патриарха он видел единственно-возможный государственно и церковно-политический путь»¹⁷.

¹⁵ Киприан (Керн). архим. Воспоминания. М., 2002. С. 32.

¹⁶ Смолич И. К. История Русской Церкви. Синодальный период. Т. VIII. Ч. 1. С. 476.

¹⁷ Смолич И. К. Русское монашество М., 1997. С. 319.

Нам кажется, во мнениях И. К. Смолича, В. В. Зеньковско-го, митрополитов Евлогия, Сергия (Ляпидевского), обер-прокурора К. П. Победоносцева, проф. К. Харламповича, архимандрита Киприана (Керна) немало правды.

Но справедливо пишет и автор об очаровательном педагоге и кумире молодежи.

Пожалуй, верно предсказывал Киприан (Керн): «Либералы будут ругать за то второстепенное и совершенно случайное, что бывало у него, как у всякого человека, теневое. А правые и „почитатели“ разведут такой елей и подхалимство, что и читать никто не станет, да и действительности соответствовать не будет»¹⁸.

Не трудно сказать, к какой партии принадлежит соискатель. Его труд из тех, где не критически и не исторически пишут «„Книгу его бытия“, драму всей его жизни»¹⁹.

Сдается нам, что автор и сам подпал под влияние обаятельного человека, что случилось со многими. И еще. Он безоглядно доверился дневникам проф. А. Д. Беляева и статьям проф. В. Соколова, ставших для него главным свидетельством Академической жизни.

Проф. А. Д. Беляев в противоборстве молодого ректора с маститыми членами Корпорации профессорами Е. Е. Голубинским, В. О. Ключевским и др. принял сторону ректора, а Академии дал в своем Дневнике (17/II.1891) нелестный эпитет (см. с. 35 работы, примечание). Наверно, чтоб образ Антония был верным, объемным, надо подобные дневники поверять другими документами.

Кроме того, не корректно для объективной оценки личности брать приветственные и прощальные речи встречающих и провожающих (с. 109—111; с. 129).

Замечательной стороной диссертации является критический подход к «Жизнеописанию» митрополита Антония, составленно-

¹⁸ Киприан (Керн). архим. Воспоминания. С. 103.

¹⁹ Там же. С. 102.

му Никоном (Рклицким) (с. 89—90), но порой авторское недоверие повисает в воздухе, поскольку не имеет опоры на документы (с. 26).

Нет ссылок и там, где говорится о проведении внебогослужбных собеседований в МДА и о перестройках Академического храма после Антония (с. 71).

Непонятно, в каком смысле в труде говорится об удалении из МДА ректора Филарета (Гумилевского) (с. 69).

Недостаточно объяснить непопулярность идеи монашества в среде академической молодежи неприязнью к этому институту Обер-прокурора св. Синода Д. А. Толстого (с. 173).

Не можем также согласиться с автором, будто рост числа абитуриентов в Казанской ДА в 1990 г. объясняется только обаянием нового ректора (с. 113).

Наконец, загадочна история с выпускником МДА (1894 г.), филокатоликом священником Николаем Толстым, который на аудиенции у папы заверил, что почти половина МДА «сочувствует католицизму и является униатским „гнездом“, а ректора Антония чуть ли не причислил к сторонникам унии» (с. 53—54 работы). Вследствие такого скандала Толстой, виновник его, был лишен кандидатской степени, рецензент проф. А. П. Лебедев переведен в Московский университет. Уже в марте 1895 г. Московский митрополит Сергей (Ляпидевский) стал требовать ухода его из Академии.

А что с ректором? Уже в апреле 1895 он говорил о готовящемся его перемещении (с. 90). 23 мая 1895 г. приехавший в МДА товарищ Обер-прокурора св. Синода В. К. Саблер, явно протезировавший ректору, в переговорах с митрополитом Сергием поставил точку в этом вопросе. Уже 21 июля 1895 г. издан Указ о переводе Антония в Казань.

В контексте распространявшихся тогда в МДА слухов о папистских устремлениях фанатика патриаршества (Голубинский и Ключевский дуэтом исполняли эту партию), случай с о. Толстым не стал ли причиной или, по крайней мере, поводом для перево-

да его в «татарскую» Академию? Быть может диссертанту стоило задуматься об этом?..

Несмотря на вышесказанное представляется возможным положительно оценить представленную работу, а ее автора признать заслуживающим искомой степени.

9.1. ОТЗЫВ профессора протоиерея Владислава ЦЫПИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии сектора заочного обучения протоиерея Александра СТЕПАНЧЕНКО по кафедре Церковного права на тему: «Проблемы кодификации законодательства, действующего в Русской Православной Церкви»

Кандидатская диссертация протоиерея Александра Степанченко, объемом 200 стр., состоит из введения и 8 глав, разделенных на параграфы: 1) Церковь, государство и право; 2) Церковное право; 3) Наука церковного права; 4) Церковное право в общей системе права; 5) Методы научного исследования; 6) Система церковного права; 7) Источники церковного права; 8) Систематизация законодательства). В конце диссертации помещены «Примечания и ссылки» — всего 313 ссылок. Список использованной литературы отсутствует.

Диссертация посвящена актуальной теме и написана на серьезном богословском, каноническом и юридическом уровне. Ее автор обнаружил в работе солидные знания в области истории права и канонического права, глубокое проникновение в суть обсуждаемых им проблем. Наибольшую ценность представляет последняя глава диссертации, которая более всего связана с общей темой работы.

Тем не менее, у рецензента есть ряд замечаний и возражений по поводу утверждений и выводов диссертанта. При этом в одних случаях речь идет об указаниях на очевидные недостатки и промахи; в других случаях замечания рецензента — это всего лишь

полемика по проблемам дискуссионным, не до конца решенным в церковном праве.

На с. 7 перечислены церковные законодательные акты новейшего периода, при этом упомянут «Устав об управлении Русской Православной Церкви» 1988 г., но нет упоминания ныне действующего «Устава» 2000 г., хотя в дальнейшем диссертант обнаруживает осведомленность о факте его существования (см. с. 184).

На с. 13 автор выражает нетрадиционную богословскую идею об основании Церкви на Кресте. Как известно, традиционная интерпретация эклезиологического догмата основание Церкви связывает прежде всего с Пятидесятницей, не исключая, естественно, и значения в этом Голгофы.

На с. 24—25 развивается сомнительная идея о происхождении государства еще в Эдеме, до грехопадения. Элементы организации в жизни первоизданной четы и ее повиновение Божественной власти могут, конечно, рассматриваться как содержащие в себе некоторые начала, которые присутствуют в организации государства; но принципиально важным является положение, сформулированное, в частности, в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» о том, что государство возникает в связи с грехопадением; на эту мысль диссертант ссылается в другом месте диссертации и не оспаривает ее; в указанном же выше месте он развивает существенно иную концепцию. Один из признаков государства — легализованная, признаваемая обществом монополия на насилие — никак не сопрягается с первоизданным состоянием человеческой природы, с Эдемом. Если идеи диссертанта развивать последовательно, то придется и «Царство небесное» мыслить в рамках государства, по подобию «земных царств». Помещенные ниже (с. 27) в диссертации цитаты из апостола Павла (Рим. 13, 1—7) и апостола Петра (1 Петр. 2, 13—15), казалось бы, должны были побудить диссертанта отказать от мысли о существовании государства в Эдеме. Апостолы пишут о противящихся власти, о злых, о мече, об отмще-

нии делающему зло, о податях, о наказании преступников. Вот в этом всем и заключена суть государства. Некоторые из этих феноменов перевозданная чета узнала только при изгнании из Эдема, но отнюдь не до посприя Божественной заповеди.

На с. 44—45 и затем на с. 60—61 автор устанавливает по существу неразрывную связь между феноменом государства и правом, определенно отвергая правовой характер корпоративного права. Исходя из сформулированных здесь общих положений можно было бы поставить под вопрос и юридический, правовой характер церковного права, тем не менее, в дальнейшем автор рассматривает церковное право как право в собственном смысле слова. Налицо противоречие.

На с. 54 есть опечатка, которая может ввести читателя в заблуждение. Написано о Карфагенском соборе 299 г., а подразумевается, вероятно, собор 419 г.

На с. 59—60 автор дает критическую оценку всем существовавшим в истории моделям церковно-государственных отношений, что до известной степени справедливо, но тут же выражает надежду на то, что в будущем удастся найти более совершенную модель таких отношений. Мечтать, конечно, позволительно, но эта надежда отдает утопизмом.

На с. 71 и затем еще на с. 114—115 диссертант допускает некоторую путаницу. Вначале речь идет о церковном праве как о научной дисциплине, а затем о церковном праве как об одной из сторон церковной жизни, без предварительного объяснения, что автор переходит от одного понятия к другому.

На с. 97 автор полемизирует с рецензентом, который высоко оценил мысли митрополита, позже Патриарха Сергия о том, что решения, принятые епископами в результате заочного обмена мнениями, могут быть правомерными; и написал в своем учебнике, что значение этих мыслей выходит за рамки одной поместной Церкви. Диссертант, обходя вопрос о том, как помимо Вселенских соборов, которые не созывались более тысячи лет, осуществляется единство власти епископата во Вселенской Церкви, на-

ходит, очевидно, идею митрополита Сергия неприемлемой. Он может так считать, конечно, в порядке своего мнения, но когда он пишет, что только через соборное признание Церкви эта идея может стать каноном, диссертант, вероятно, иронизирует; потому что рецензент, естественно, был далек от того, чтобы усваивать каким бы то ни было идеям отдельных иерархов, даже самым глубоким и точным, статус канонов. Новых канонов в Церкви, как известно, не издавалось после IX века; и не только мысли отдельных иерархов, но и законодательные акты высоких церковных инстанций с тех пор канонами уже не признавались.

На с. 142—144 проводится сомнительная идея, что Божественное право не носит юридического характера, а имеет характер исключительно нравственный, и потому собственно правом и не является. При этом основной аргумент диссертанта заключается в том, что Божественным законом не предусматривается санкций. Для опровержения этих доводов достаточно сослаться на ветхозаветные «кодексы», где предусматриваются хорошо известные санкции; их юридический характер очевиден. Но Ветхий Закон не лишен богодухновенности; почему же это не Божественное право. Но и в Новом Завете Господь Иисус Христос в одном месте ясно указывает на санкцию — отлучение от общения, своего рода анафему — «да будет тебе как язычник и мытарь». В посланиях апостола Павла к Тимофею и Титу содержатся перечни качеств, которыми должен обладать кандидат в епископы. Очевидно, что отсутствие этих качеств составляет препятствие к посвящению. Соответствующие положения носят вполне правовой характер. Каноны впоследствии их воспроизводили, ничего не меняя по существу. Если же отрицать правовой характер соответствующих мест из Св. Писания Нового Завета ввиду того, что не предусмотрены санкции, опирающиеся на физическое принуждение — так это свойственно всему церковному праву, тогда придется отрицать и юридический характер всего корпуса церковного права.

На с. 151—152 главы «Законы государства по церковным де-

лам» дана преамбула, содержащая общие положения относительно применения одних и не применения других государственных законов в церковной практике; но помещенный затем перечень византийских законодательных актов приведен без каких бы то ни было комментариев, необходимых в связи с этой преамбулой.

На с. 154—155 автор диссертации отрицает правомерность прекращения действий того или иного правового закона без его формальной отмены — на том основании, что закон «устарел», опасаясь, что такой подход внесет в церковно-юридическую практику субъективизм. Но в цитируемом и критикуемом им месте подразумевается не субъективно оцениваемая устарелость, а вполне объективный факт исчезновения институтов и правоотношений, предусматриваемых законом. Например, большая часть дореволюционного законодательства, относящегося к церковному судопроизводству, устарела не потому, что она кому-то не нравится, а потому, что принципиально изменился строй церковно-государственных отношений, и Церковь не может рассчитывать на полицейскую помощь от государства при проведении дознания и расследования по делу, которая предусматривалась всей системой дореволюционных церковно-государственных отношений, но соответствующие акты синодальной эпохи формально никем не отменялись.

Есть в работе опечатки, в том числе и касающиеся написания имени рецензента.

Настоящие замечания не обозначают, что рецензент оценивает работу невысоко. Напротив, то обстоятельство, что она побуждает к дискуссии, скорее, говорит о ее достоинствах.

Автор представленной диссертации, бесспорно, заслуживает степени кандидата богословия.

9.2. ОТЗЫВ доцента протоиерея Валентина АСМУСА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии сектора заочного обучения протоиерея Александра

СТЕПАНЧЕНКО по кафедре Церковного права на тему:
«Проблемы кодификации законодательства, действующего в Русской Православной Церкви»

Сразу скажем, что содержание рецензируемой работы много шире темы, обозначенной в ее названии. Большая (ровно 200 с.) работа состоит из 8 больших глав, из которых первые пять имеют общетеоретическое значение и никак не относятся непосредственно к теме, а в ущерб тому, что и должно было бы составить основное содержание работы — обзору источников, подлежащих (или не подлежащих) кодификации. Выставляя теоретические требования к кодифицируемому праву (непротиворечивость, отсутствие устаревших норм и т. п.), автор не сверяет свои требования с теми принципами, которыми руководствовались древние церковные кодификаторы. Один из этих принципов — историчность: например, Анкир. 10 был оставлен в Книге правил, хотя давным-давно вышел из употребления. Встает аналогичный вопрос и о русских источниках церковного права, например, о Духовном Регламенте. Наш автор уделил этому важнейшему в истории нашей Церкви памятнику всего полстраницы (с. 181) и хотя не сказал ничего определенного относительно возможности включения Регламента, полного или частичного, в будущий Свод, из сказанного автором можно заключить, что он полностью утратил силу. Однако такое заключение было бы слишком поспешным. Поскольку Церковь — нравственный союз, св. каноны и другие церковные законы, кроме законно-юридического, имеют и нравственно-педагогический аспект, который иногда совершенно заслоняет первый (напр., VI Всел. 75). Поэтому имеет большую важность и то, что не имеет чисто юридического значения. Например, очень важен раздел Регламента о проповеди. Критики Регламента, которым последует наш автор, отмечают, что он «даже нередко впадает в тон сатиры». Действительно, Регламент критикует, и весьма язвительно, сентиментально-риторический стиль проповеди. И это ценно само по себе, а еще более ценен

тот положительный образ проповедования, который предписывается Регламентом. Думается, и в других разделах Регламента много ценного и актуального: например, в отношении лженищества, фабрикации ложных чудес, самочинных изменений Богослужения и т. д. Все это позволяет сделать вывод, что Регламент, понятно, что устаревший в некоторых своих разделах и в некоторых принципиальных установках, все же может быть включен в будущий Корпус. То же можно сказать и об Уставе Духовных Консистерий.

В труде имеются и другие недоработки. На с. 33 читаем: «отцом учения о естественном нравственном законе следует считать св. Иустина Философа», тогда как только что (с. 32) была приведена цитата Рим. 4, 14—15: «...не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах». Правда, затем автор предпринимает опровержение и св. Иустина, и св. ап. Павла: «утверждение о божественной врожденности права в человеческое естество противоестественно (sic — В. А.) не только для природы человеческой, но и сущности Божией» (с. 38). Автор считает, что имей человек врожденную склонность к добру — она «неизбежно предопределяла бы» (с. 39) все его поступки. Но ведь это же совсем разные вещи: иметь некую склонность как один из разнонаправленных векторов или же полностью определяться ею.

Автор увлекается модным в начале XX в. дистанцированием Церкви и Государства (см. обос. с. 52), подчеркивая карающую функцию последнего, в то время как Новый Завет усматривает и симметрическую ей созидательную функцию «поощрения делающих добро» (Рим. 13, 3—6; 1 Петр. 2, 14). Схоластической абстракцией звучит утверждение, что Церковь безусловно воспрещала клирикам исполнение властных административных полномочий (с. 58). Можно привести много примеров обратного: патр. Сергей возглавлял регентство в отсутствие имп. Ираклия; александрийские патриархи долго добивались гражданской власти в Египте и незадолго до арабского завоевания получили ее;

в поздней Византии половину членов верховного суда составляли клирики; в Турции Константинопольский патриарх был этнархом, т. е. административно возглавлял всех православных подданных султана; в Черногории в XVIII—1-й пол. XIX в. главой государства и армии был митрополит; 17 лет президентом Кипра был архиеп. Макарий.

На с. 84 автор соглашается с прот. В. Цыпиным, что некоторые источники права, изданные после VII Вселенского собора, были реципированы Вселенской Церковью. А на с. 97, противореча и прот. В. Цыпину, и самому себе, он категорически утверждает, что только соборы могут издавать церковные узаконения, отвергая даже правомочность такой формально безупречной и освященной полуторатысячелетней традицией процедуры, как письменный опрос епископата.

Настаивая на необходимости Вселенских соборов для принятия всеправославных решений (с. 86 и др.), автор не замечает, что подставляет незащищенную сторону таким оппонентам, как, например, католики, а кроме того обнаруживает отсутствие исторического подхода: в поздней Византии Константинополь был если не формально, то во всяком случае фактически центром Вселенской Православной Церкви, которая в самых отдаленных своих частях признавала его авторитет и принимала его постановления.

Вряд ли приемлемо утверждение: «все богословские науки имеют один предмет — Христову Церковь» (с. 99), особенно если вспомнить, что в патристике экклезиология почти не разработана.

Есть много и более мелких замечаний. Иногда неверно употребляются слова: «усугубилось» (с. 184) вм. «ухудшилось», «центробежная» (с. 63) вм. «центростремительная». Встречаются ошибки стиля, выдающие нечеткость мысли: «вместе с Крещением Миропомазание создает... условие и способ для вступления в церковный союз» (с. 103), где вместо «создает» д. б. «есть». Очень часто неправильная постановка падежей: «с лицами не принадлежащих к Церкви...» (с. 68).

Встает вопрос и о полной самостоятельности работы. В некоторых местах стиль явно выдает перо дореволюционного ученого. Хотелось бы спросить, сам ли автор читал упомянутых в сносках немалочисленных немецкоязычных канонистов: Sohm, Schulte, Bickell, Schaguna, Puchta, Savigny, Krug?

В работе отсутствует библиография, которую не могут заменить сноски.

Несмотря на все эти замечания, работа написана достаточно толково. Автор, профессиональный и практикующий юрист, прекрасно владеет терминологией и, более того, обладает ясным юридическим мышлением и искренно радуется о благе Церкви.

Работа может быть оценена как удовлетворительная, и автор ее достоин искомой степени.

10. ОТЗЫВ преподавателя протоиерея Леонида ГРИЛИХЕСА на дипломное сочинение выпускника Московской духовной академии сектора заочного обучения диакона Романа ШТАУДИНГЕРА по кафедре Священного Писания Ветхого Завета на тему: «Образ пророка Иеремии в Священном Писании, в иудейской и христианской традициях»

Представленное дипломное сочинение, объемом в 60 страниц, состоит из введения, трех основных разделов и заключения. В конце работы приводится библиография, включающая 58 наименований (целиком русскоязычная).

Автор дипломного сочинения отходит от ставшего традиционным для подобных работ экзегетического рассмотрения библейской книги или содержащихся в ней мессианских мест и сосредоточивает свое внимание целиком на личности ее автора, т. е. на личности пророка Иеремии. Для систематизации своего исследования диакон Роман Штаудингер разбивает его на три раздела.

В первом разделе изображается пророк Иеремия, каким он предстает на страницах Священного Писания. При этом автор сочинения пытается проследить и раскрыть полную драматизма

историю пророческого служения Иеремии. Здесь заслуживает похвалы уже то, что в ходе обсуждения таких тем, как «Св. Иеремия перед самим собой, внутренняя драма», «Св. Иеремия перед народом Божиим, внешняя драма» автор сочинения удаляется от излишнего субъективизма и психологизма. Почти каждое высказанное им положение подкрепляется или непосредственно выводится из святоотеческой цитаты, причем в кругозор автора попадают не только творения св. отцов, специально посвященные книге Иеремии, но и многочисленные разрозненные замечания.

Второй раздел «Образ пророка в иудейской традиции» представляется менее разработанным. Занимает он всего 4 страницы. Не всегда ясен источник приводимых сведений. Непонятно также, почему в этот раздел попали цитаты из Ницше, Кьеркегора и Наполеона. Представляется совершенно неоправданной замена имени Иеремии на Ирмеягу на протяжении всей этой главы.

Наибольший интерес представляет третий раздел: «Образ пророка Иеремии в христианской традиции». Здесь представлен разбор патристических характеристик мистических созерцаний пророка. Отдельные подглавки посвящены описанию трех восторженных состояний, указанных в книге Иеремии (огонь в сердце, опьянение, сон), которые по мысли св. отцов являются последовательными ступенями восхождения в божественном созерцании (гл. 1).

Рассмотрен взгляд св. отцов на пророка Иеремию как на прообраз грядущего Мессии (гл. 2). Собраны различные древние предания о жизни, смерти и месте захоронения пророка (гл. 3). Наконец, приведена небольшая антология «Св. пророк Иеремия в русской поэзии» (гл. 4).

Задачу своего дипломного сочинения диакон Роман сформулировал следующим образом: перелистать в памяти человечества то, что она сохранила и донесла до нас о пророке Иеремии. Несмотря на сделанные выше замечания, в целом эта масштабная задача получила вполне успешное и интересное решение. Работа заслуживает оценки «отлично».

11. ОТЗЫВ профессора архимандрита ПЛАТОНА (Игуменова) на дипломную работу выпускника Московской духовной академии иеромонаха КАЛЛИСТРАТА (Романенко) по кафедре Нравственного богословия на тему: «*Этико-философские воззрения Конфуция*»

Дипломная работа иеромонаха Каллистрата (Романенко) общим объемом 90 страниц включает вступление, обзор источников, шесть глав основного материала, заключение, приложение и список источников и литературы.

Приступая к работе над избранной темой, автор дипломного сочинения ставил перед собой в качестве основной цели работы изучение и систематическое изложение этических воззрений Конфуция, без знакомства с которыми «невозможно по-настоящему понять традиционную систему взглядов и социальную психологию китайцев» (с. 4). По заявлению автора, учение Конфуция — это «ключ к пониманию китайского феномена во всем его своеобразии и неповторимости» (с. 6).

В первом разделе работы автор дает весьма обстоятельный обзор источников. И хотя автор, в отличие, например, от протоиерея Георгия Персиянова, работал с переводными источниками, мы, тем не менее, со всей объективностью должны признать все неудобства и трудности в работе над древними текстами, которые невероятно отдалены от нас хронологически, мировоззренчески и культурно. Эти тексты написаны людьми древней эпохи и на ее языке, и они весьма трудны для понимания даже самих китайцев, не говоря уже об иностранцах, что создает серьезную проблему для перевода. Несмотря на отмеченные трудности, автор вполне успешно осуществил систематизацию материала. В своей работе, которая носит достаточно четко структурированный характер, автор выявил дуалистический принцип в онтологии Конфуция, изложил и прокомментировал основные положения его аксиологии и его воззрений на проблему счастья, а также проанализировал социально-этические взгляды Конфуция, имеющие не-

посредственное отношение к проблеме социально-государственного устройства.

Возникающее поначалу при чтении дипломной работы недоумение по поводу отсутствия жизнеописания Конфуция полностью отпадает при знакомстве с текстами приложения, в которых автор помещает биографический очерк древнего китайского философа, извлеченный из диссертации протоньера Георгия Персианова «Сущность конфуцианства» (1988). В качестве критических замечаний следовало бы указать на отсутствие более глубокого и более конструктивного аналитического подхода к общей характеристике этических воззрений Конфуция. Следовало бы, например, показать, к чему больше склонялся Конфуций: к номизму или антиномизму? Что определяет доминанту его этических построений: закон или добродетель? Здесь автор должен был бы со всей определенностью сказать, что, хотя Конфуций, как это блестяще показано в сочинении, не устает высоко превозносить иерархию, порядок и ритуал, однако в своих таксономических предпочтениях он дальше всего отстоит от буквального следования принципам номизма, исповедуя в качестве высшего этического идеала добродетели «благого мужа», или «благородного мужа» (Цзюнь-Цзы), полагая при этом нравственный облик такого Цзюнь-Цзы образцом для подданных Поднебесной империи. К сожалению, без какого-либо богословского комментария остался такой конструкт в антропологии Конфуция, как положение о присущем человеку «врожденном знании». Автору работы следовало бы сказать о том, что наличие этого положения в воззрениях Конфуция вовсе не является доказательством его абсолютной склонности к персоналистическому конституционализму, поскольку философ вполне признает существенную роль в формировании человека и таких этико-социальных факторов, как воспитание и образование.

Наконец, следует отметить, что на странице 46 дипломной работы, там где проводится противопоставление «Сяо жень» («низкого человека») и «Цзюнь-Цзы» («благородного мужа»),

ОТДЕЛ V

в самом термине «Цзюнь-Цзы» допущена орфографическая ошибка.

В целом же, несмотря на указанные критические замечания, дипломная работа иеромонаха Каллистрата (Романенко) по достоинству заслуживает высокой и похвальной оценки, а сам автор заслуживает быть отмеченным дипломом об окончании полного курса Московской Православной духовной академии.